

алексей
егоренков

ЗЕМЛЯ ТОЧКА НЕБО

pangolin press 2012

Алексей Михайлович Егоренков

Земля точка небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3357375

Аннотация

«Теперь, шестью годами позднее, когда я женат и у меня есть маленькая дочь, мне трудно делать выводы. Нет смысла думать, но иногда я всё равно думаю. Прав ли я был? Всё ли я сделал? Мне до сих пор не ясно. Могу оправдать себя лишь тем, что я счастлив.

Говорят, за семилетний период клетки тела полностью обновляются. Уже теперь, шестью годами позднее, я слушаю музыку, от которой меня бросало в дрожь, и слышу лишь милый ностальгический лепет. Я перебираю свое прошлое – и вижу только эти бессвязные обрывки, которые вчера были частью меня, и частью слишком важной, чтобы собраться воедино.

Эти записи я вел с две тысячи второго по две тысячи четвертый год. Я уничтожил их в две тысячи пятом, из личных соображений, и начал заново, когда соображения эти стали казаться пустыми. И вот, шестью годами позднее каждый осколок занял свое место, кроме дюжины самых важных, которые пришлось оставить как есть...»

Содержание

Вступление. Прошлое	4
Часть I. Будущее	6
Глава 1. Так называемая смерть	6
Глава 2. Самое дорогое	38
Глава 3. Новые имена	77
Глава 4. Земля	152
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Алексей Егоренков

Земля точка небо

Оле и Лизе

*Once you know, you can never go back
Otherside*

*Это произведение – художественный вымысел.
Любые сходства имен, названий и фактов с
реальными прошу воспринимать как случайность.
Напротив, любое расхождение прошу считать
преднамеренными.*

Вступление. Прошлое

13 ноября 2011 года

Теперь, шестью годами позднее, когда я женат и у меня есть маленькая дочь, мне трудно делать выводы. Нет смысла думать, но иногда я всё равно думаю. Прав ли я был? Всё ли я сделал? Мне до сих пор не ясно. Могу оправдать себя лишь тем, что я счастлив.

Говорят, за семилетний период клетки тела полностью обновляются. Уже теперь, шестью годами позднее, я слушаю музыку, от которой меня бросало в дрожь, и слышу лишь

милый ностальгический лепет. Я перебираю свое прошлое – и вижу только эти бессвязные обрывки, которые вчера были частью меня, и частью слишком важной, чтобы собраться воедино.

Эти записи я вел с две тысячи второго по две тысячи четвертый год. Я уничтожил их в две тысячи пятом, из личных соображений, и начал заново, когда соображения эти стали казаться пустыми. И вот, шестью годами позднее каждый осколок занял свое место, кроме дюжины самых важных, которые пришлось оставить как есть.

Все они собраны в первой части, в главе номер один.

Часть I. Будущее

Глава 1. Так называемая смерть

26 июля 2005 года

Во-первых, я не жалею, что убил живого человека.

Что такое «человек». И что такое «живой».

Мне было неприятно – и только. Больше не изменилось ничего. Сегодня он по-прежнему был мертв, она – далеко, а я всё там же: у вокзальной площади, возле красных палаток, где продаются жирные хот-доги, а температура кофе полностью зависит от настроения продавца.

Но мобильник умер, и вернулся голос.

Раньше я каждое утро гулял по этому куску брусчатки: кому-то поднести сумку, кому-то поджечь сигарету. Я был нужен. У меня было занятие. Но теперь я снова выпал из механизма, и эти двое остались единственным исключением за всё утро. Они «заметили неадекватное поведение».

Мы свернули в неприметный зазор между домами и прошли вдоль южной товарной ветки, и десять минут спустя вышли на 7-й Горизонт, узкий полумесяц города, открытый каждому ветру.

На Горизонт ходят только маршрутки. Вдоль шоссе тянет-

ся железная колея, но трамваев нет, и трава между порыжевших рельсов живет и умирает непотревоженной.

Летом здесь повсюду зелень. На каждом шагу прут из-под земли целые охапки деревьев, толстыми корнями разрыхляя асфальт. Дворов нет – одни аллеи и распахнутые пространства. Ночью в форточку слышен грохот поездов и бормотание репродуктора. С утра их перешибает свайный молот из соседнего котлована.

Двое привели меня в старый детсад. Его павильоны, разбитые дорожки, ржавые останки качелей целиком тонули в гибких зарослях дикого клена. Цветы выбрались из развалившихся клумб и росли прямо на земле, тесня бурьян. Ступени были выложены свежим зеркальным кафелем, а у входной двери на жеваных проводах сушилась пара трусов. Новая вывеска, кроме герба и свежей трещины, вмещала только одно слово: «Милиция».

Всё равно больше идти было некуда.

26 июля 2005 года

- Что, молодой человек, делаем мир интереснее?
- Это твои показания.
- Пишите вот тут: с моих слов записано верно и мною прочитано.
- Подпиши здесь и здесь.
- И тут.
- И давай пройдемся по ним еще раз. Начнем с вечера.

25 июля 2005 года

Ее электричка застала меня у рыжего железного моста. На вокзале зажглись прожекторы, и передо мной вытянулись тени. Я шел через треск и шелест вечерних насекомых в сухой траве, молча ругая шпалы, выложенные с таким промежутком, что по ним удобно ходить только в детстве. Теперь же каждый шаг приходилось делать сознательно, идти, идти и идти, слушая хруст и шелест замасленной щебенки.

За мостом запах одуванчиков сменился гравиевой пылью и вязким мазутным паром. Вдоль насыпи потянулись редкие клены. Далекие огни зябко шевелились, дрожа в их листве. Сойдя к подножью насыпи, я остановился и запрокинул голову.

Когда смотришь вверх, невольно понимаешь, что будущее уже наступило. Небо исчеркано кефирными следами авиатрасс; они медленно тают, разваливаясь на хлопья и пар. Дома меня ждет ужин двадцать первого века: растворимый суп, концентраты, загустители, эмульгаторы, искусственная колбаса, сушеные напитки. И синтетическое одеяло.

Мне приходится экономить. Я стригусь под ноль, потому что так дешевле. На завтрак ем яблоки, на обед завариваю лапшу. Последние сто баксов я отдал какой-то нищей, и она даже не сказала мне «спасибо».

Знаю, я идиот. Но постепенно я учусь.

Недавно выяснилось, что вместо ножек у моей кровати четыре стопки книг. Я стащил кирпич у двери в подъезде и

выменял его на три раздавленных учебника. Механика. Физика. Биология. И черт с ним. Я не из тех, кто просыпается утром, видит людей, которые стучат и копошатся за окном, и не теряет безразличия. Мне нужно разобраться, *как* они ухитряются это делать.

Я не люблю свой город. Тем более, это больше не мой город – последние годы я жил не здесь. Теперь мне кажется, что все местные знакомы друг с другом, все действуют сообща и заняты делами, в которые не собираются меня посвящать. Я здесь уже почти два месяца, и до сих пор ищу способ вернуться.

26 июля 2005 года

- Он в клетке?
- Угу. Что приемная комиссия?
- У них занято. Я прозреваю, куда эти врачи смотрят? Такие психи на воле, по улицам уже ходить страшно.
- Косой, это стыдно, ты же милиционер.
- М-да. И что, сегодня по пиву?
- Нет. Сегодня – я принимаю наркотики.
- А-а. Тогда привет нашему комьюнити.
- Угу. Покасики.

25 июля 2005 года

Странности производят странности. Психodelы собираются в Рейве. Они не говорят ни с кем. В мою грудь уперлись четыре костяшки, и ни слова не последовало из темноты.

Психодел жевал арбузную жвачку. Он защелкнул шипящие наушники.

Чирк!

Синие звездочки растаяли в пустоте, оставив на моей сетчатке лиловый след. Со вдохом пришел...

Чирк!

...запах магния, – подумал я и понял, что снова могу думать.

Чирк-пф-ф!

Огонь. Потянуло смоленным пером, и от жара заныли глаза. Маньяк узнал меня уже тогда, когда я отпихнул его руку и прыгнул к лестнице.

Одинаковые пролеты завертелись как сверло, я споткнулся и жгуче хлопнулся ладонями о бетон, а моя голова продолжала нестись по кругу.

Всё равно больше идти было некуда.

Пятно зеленой краски на ступенях. Мое сердце уже толкалось где-то в горле, цокая эхом изнутри висков.

От черного хода тянется узкий балкон. Под ногами щели, сквозь них виден еще балкон, и еще, и еще. Меня швырнуло вперед, и зубы щелкнули, а голова чуть не ухнула с шеи прочь. В глазах лопастями вертелись тени.

Пуф-ф, – и я провалился на дно.

Со мной это не в первый раз.

Когда так бывает, внутри что-то выключается, из мира выдергивают затычку, и ты летишь в теплую вязкую пустоту.

И в каждой тени мелькают намеки, и у воздуха появляется вкус.

Если бы только удалось вернуться. Но это всегда проходит.

Маньяк не побегал. Смятый неподатливой ленью, я слушал эхо его размеренных шагов. Оно мелело, потом растаяло, и психодел вышел навстречу. Я рассмотрел его и понял, откуда молчание. Глаза маньяка были спрятаны за темной лентой очков, а остальное прикрывала респираторная маска. Так одеваются в Рейве.

Распахнув тяжелую дверь, я нырнул в коридор, где в это время почему-то всегда пахнет малосольными огурцами. Я рухнул на противоположную стену и перекатился на спину.

И это случилось.

Не могу сказать, что я хотел убить его. Не в тот момент. Идея была простой и глупой – толкнуть дверь и не дать ему войти. Но чувствуя, как тягучий вес по ту сторону медленно сдается, я вдруг захотел, и сделал это. И кстати, не услышал ни звука. Вопреки традиции, маньяк падал молча.

Бум-м. Удар я помню. Даже не звук, а подземный толчок. Словно дрогнул весь дом. Зыбь пробежала по стеклам. Будто даже моргнул свет, хотя мне наверняка всё померещилось.

Впервые я шел такой походкой, когда прочел свое имя в московском таблоиде и понял, что меня все знают. Даже так: **МЕНЯ ВСЕ ЗНАЮТ**. Известность – это наркотик, и с непривычки она вызывает тошноту. Потерю равновесия. Прохо-

жие сторонятся, а ты идешь, не разбирая дороги, и надеешься, что никто вокруг не обращает внимания. Ползешь, хватаясь за стены, хромая на плохо сросшуюся голень.

В коридоре было пусто. За мной никто больше не гнался. Что еще?

Каюсь, я блевал. Мой желудок не возражал против собачьего мяса, даже лягушачье он принял нормально, а вот убийство пришлось ему не по вкусу.

Я живу в однокомнатной квартире, в «американке». Это значит, что ванна стоит прямо в кухне, за клеенчатой занавеской. Я прошел туда, умылся, вымыл из глаз едкий пот, натер щеки мылом. Зачем-то намылил и сполоснул руки. Снова намылил и сполоснул. Уставился в зеркало. Нижняя губа дрогнула, и мой подбородок потянула вниз какая-то мышца. Глотку стиснуло в против-в-в... Хрустнули виски. Я скорчился над раковиной, и меня вырвало.

Меня рвало ничем. Я блевал и выдавливал из себя пустоту.

Вз-з. Вз-з.

Когда застонал на полу мобильник, я понял, что уснул прямо возле раковины. Я нашарил телефон и нажал кнопку. Звонил Музыкант. Очередной старый знакомый.

– Ну, допустим, – скрипнула трубка его голосом. – Ты спас меня, я тебя. Что еще?

Расскажу про Музыканта. Он носит в левом ухе гарнитуру, потому что его правая рука не работает, пальцы не сгиба-

ются – их когда-то придавили каблуком. Поэтому Музыкант не может больше играть и занимается другими вещами.

– Что дальше? – прошипела трубка.

У Музыканта есть блок-флейта, дешевка из черного пластика, мой подарок. Он носит ее на поясе в кожаной петле. Играть Музыкант не может, поэтому флейта не действует. Она разбирается, в мундштук ее ввинчен железный сердечник, а в нем – тонкое стальное шило, которое целиком прячется внутрь. Музыкант уже заколол этим шилом человек двадцать.

– Ты понимаешь, что это война? Что теперь либо мы, либо они?

Если бы психодела убил не я, это наверняка сделал бы Музыкант или кто-то из его людей. С той разницей, что я сам остался бы мертв, или того хуже.

– Знаешь, как ты нас подставил?

Одну ногу, одну руку...

– Трое наших попались, – сказал Музыкант. – Если бы не долг, ты бы ответил за них.

Почку, легкое и глаз.

Он говорит «попались», а не «убиты», чтобы не волновать оператора.

– Мы квиты. Еще раз сунешься – ты понял.

Он говорит «понял». Ясно, для чего. Но они сами виноваты. Каждый из нас виновен. Его люди создали психоделов.

А он собрал этих людей вокруг себя.

А я дал Музыканту способ.

Хорошо, что Эврика никогда этого не узнает.

27 июля 2005 года

– Итак, вы слышали голос. Он что-то вам приказывал? Покончить с собой? Совершить убийство? А может, *не* кончать с собой? *Не* совершать убийства?

– И хватит издеваться! Перед вами люди с психиатрическим образованием.

– Спокойно, спокойно. Молодой человек. Я прошу вас. Начните сначала. Но не просто сначала, а *полностью*. У вашего рассказа ведь есть начало?

16 октября 2001 года

На юге Шварцвальда тогда хлынул такой сильный ливень, что в Альпах падали сосны, а в городе вода смывала листья с деревьев. Но это случилось позже, а сейчас Механик жал на педали, и был зол как никогда.

Велосипед, желтый облезлый почтовик, без тележки для писем катился легче, но Механик всё равно пыхтел, выжимая из себя последние силы. Ему хотелось нагрузки. Он злился и оттого, что ехать было некуда, и оттого, что отлично знал, куда едет.

Механик не переживал из-за кражи. В Европе он воровал часто – обувь быстро портилась на мостовых, а новая стояла на уличных стендах без присмотра, где-то левый, где-то правый, оставалось только подобрать пару. Бесплатный суп

ему тоже порой становился противен, а яблоки в садах росли не всегда.

Велосипеды здесь водились в огромном количестве, но каждый был пристегнут хорошим тросом, а то и четырьмя. Исходив туда и сюда огромную стоянку, изучив все разновидности противоугонных систем, Механик заметил в каменной арке почтовый велосипед, ободранный и брошенный. Он не был привязан. Колеса почтовика давали сильный люфт, когда Механик катил его прочь и старался не греметь сетчатыми корзинами. В первой же роще Механик достал набор инструментов и снял всё лишнее.

– Не знаю, как в Германии можно попасть под машину, – сказала ее подруга. – Тут скорее попадешь под велосипед.

И это было правдой.

«Вот дура», – повторял он. *Какая же ты дура.*

Механик отказывался вспоминать, как ему нравилось это в Синице. Ее ночные прогулки. В дождь, по разделительной полосе. Он вообще сейчас мало что помнил. Его память, кора головного мозга, распалась на стайку микроорганизмов.

«Я механик», – думал он. – «Биомеханик. Я занимался наукой. Был в армии. Сдавал на категорию. Я умел водить трак. И, наверно, еще умею».

Вокруг него собиралось электричество. Тучи клубились над головой, но ветра не было, и на огромных соснах не шевелилась ни одна ветка. Тишину над серпантином нарушал только ровный скрип педалей и шуршание полуспущенных

шин. Насоса у Механика не было.

Вдруг мир стал фиолетовым и ровным.

Механик вскрикнул от удивления и не услышал себя. Колеса занесло, и его припечатало об асфальт. Пурпурная стена перед глазами таяла, мерцая в унисон его пульсу.

«Вот я и сам», – подумал он рассеянно. *И это даже интересно.*

Шум в ушах постепенно улегся. Механик лежал на шоссе, облезлый почтовик валялся рядом, и вокруг стало еще тише.

Черт.

– Я не умер, – сказал он, приподнявшись на локте.

Ихъ нихът бин тод... или как его?

Он повалился обратно и засмеялся в клубящееся черное небо.

– Молния! Просто молния, – пробормотал он неслышно. – Бахнула где-то рядом. Видно, будет дождь.

Тяжелая капля упала ему прямо в глаз, и спустя мгновение ураганный ветер обрушился на всё предгорье Альп, и сверху хлынул ливень. Механик поднялся и побрел, толкая велосипед. Капли дождя на его зрачках работали как линзы, и мир стал пронзительно четким. Механик шел, захлебываясь мокрым ветром, и вдруг начал что-то понимать.

«Итак», – думал он. У каждого тела есть запас прочности. За ним следует точка разрыва. После нее твердая материя либо распадается, либо течет как жидкость. Если допустить, что разум под нагрузкой ведет себя так же, то есть выбор: он

или сломается, или...

«Мой не сломается», – решил Механик. Он просто изменит форму.

А значит, можно стать кем угодно.

Он снова улыбнулся. Механик больше не был зол. Он сделал важное открытие.

Спустя неделю он разыскал водителя дальнего следования, который возил нелегалов через границу. Водитель подождал, когда Механик заберется внутрь, и задвинул выход сосновыми поддонами. На досках высились башни, связанные из книг. Они пахли хвоей и типографской краской. Механику досталось полтора квадратных метра с вешалкой, раскладушкой, пустым ведром и бутылкой воды на пять литров. Ухнул двигатель, грузовик дернулся, выдохнул и закрипел, выруливая к шоссе.

На вешалке болтался засаленный ватник. На койке лежала подушка из тряпья, завернутого в майку с выцветшим футбольным номером. Механик вытянулся на раскладушке, стараясь не касаться ледяных алюминиевых частей, и выдернул из ближнего штабеля глянцевую книжку. Она скрипела и липла к пальцам от новизны.

Религиозная брошюра. «КАРМА И ДХАРМА. Так называемая смерть, и после нее».

Механик зашвырнул книжку вглубь кузова, повернулся боком и стащил на себя ватник. Грузовик набирал скорость, грохоча железными бортами.

Через сутки двигатель замолк, и водитель освободил путь наружу. Механик выбрался из трейлера, щурясь на бескрайнее серое небо. Снаружи была осень, такая, когда листьев уже не осталось, а воздух пахнет костром и сыростью. Механик вернулся назад.

27 июля 2005 года

– Добро пожаловать в нашу наркологию с ее не менее знаменитой сексопатологией.

– Секса тут немного, зато колеса выдают бесплатно. Только пригрузи санитара, что тебя ломает. Сам не будешь, я у тебя выменяю. Хочешь апельсин?

– Не бери апельсин. И главное это... не думай, что мы психи. Мы так, пара извращенцев. А ты? У тебя какая девация?

25 июля 2005 года

Секс. Второй день подряд я мог думать только о сексе. Была надежда, что меня уберегут ее безобразные остроносые туфли. Ее прическа и косметика тоже помогали держаться.

Каштановые локоны Эвридики были окрашены в золотистый цвет, и завиты, и пропитаны лаком до такой степени, что их не хотелось касаться.

– Эффект мокрых волос, – тарахтела Эврика, поправляя спутанный ужас на своей голове. – Когда берешь диффузором, это такая толстая щетка на фене, потом гель, и накручиваешь.

Зачем она рассказывает мне об этом? У меня нет волос, и завивать нечего.

– Я Овен. Для меня это очень естественно, такая укладка.

Она красила губы и веки так сильно, что когда-то, увидев Эврику в полумраке, я решил, что ее избили. Если бы я знал тогда, что она в порядке, то не сидел бы сейчас на ухабистом бревне у костра, пытаясь незаметно перебраться как можно дальше.

– Ты не обижайся, ты мне очень помог, – сказала Эвридика. – Я думаю, думаю, и...

И она заплакала.

От нее веяло таким беззащитным теплом, что я только пялился на туфли, самую жуткую часть Эврики. Вернувшись из Москвы, я обнаружил, что здешние девушки одеваются вдвое хуже, чем раньше. Везде был этот рвотный, злой, блеклый розовый цвет. Каждая девчонка надела тесные брюки, расшитые блестками и рваной бахромой. Их тугие штанины оставляли между ног широкий зазор и обтягивали зад так, что на бедрах выступали кости.

Но еще страшнее была обувь. Бесформенные узкие мокасины с эффектом утиной лапы, и платформы телесного цвета по форме воловьих копыт.

Думать об уродствах, отвлечься от Эвридики, – отступить было некуда.

Узкие сплюсненные босоножки Эврики компенсировали ее детскую привлекательность. Не идущие ни к какой одеж-

де, украшенные битым стеклом, заблудившиеся в оттенке между красным, оранжевым и фиолетовым, – такие не продавались на каждом углу. Такую дрянь нужно было поискать.

Когда любишь одну женщину, невольно ищешь в других изъяны, чтобы уберечь свою верность. Обычно хватает одного или двух.

Но с Эвридикой приходилось быть начеку каждый миг. Буквально двадцать минут назад Эврика вынула тонкие ножки из двух безобразий и потянула цветастое платье через голову так внезапно и решительно, что мою промежность тут же пронзили судороги.

– Не могу, – пожаловалась Эвридика. – Я такая жаркая вся, липкая, костром воняю... Я пошла купаться.

На ее кремовом тельце осталось нижнее белье с кружевами, не купальное. Она спустилась к озеру и прошла в черную воду, не сняв трусы и лифчик, но из-за этого получилось только хуже.

– Эй! Хочешь ко мне? – крикнула Эврика.

Я хотел. Спуститься к ней, обрушиться в прохладу и свежесть, подобраться к девушке, обнять ее... Беда только в том, что двух женщин одновременно любить невозможно.

Но как я хотел ее в тот момент. Дешевая косметика Эврики моментально растворилась в озерных брызгах, а волосы потеряли часть лакового блеска, хотя всё равно отталкивали воду.

Если бы я остался наедине, то устроил бы грандиозный

сеанс онанизма, после которого мое воображение ушло бы в недельный отпуск, прекратив изводить меня порнографией.

Самое худшее началось, когда Эвридика вышла из озера и пришлепала ко мне, мокрая, с отметками потекшей туши у глаз и каплей на кончике носа. Терпеть ее было невыносимо. Нижнее белье Эврики светилось насквозь, и лучше бы я видел ее голой, потому что мутная ткань оставляла фантазии чересчур многое. Я не мог выдохнуть и едва держал равновесие. Заметив мое смущение, Эвридика скромно улыбнулась, выбрав худшую из реакций.

– Сходи покупайся, чего ты, – сказала она.

Нет смысла отрицать. Без плохой косметики, без страшной обуви и почти без одежды Эврика была слишком красива, чтобы не замечать ее близость. Плотно, наивно, животинно красива, – на все свои девятнадцать лет.

Подтянув ворот рубашки, я отвернулся и зажмурился, чтобы не видеть темные кружочки сверху и черную полосу внизу, проступавшие сквозь мокрое не-купальное белье Эвридики.

– Прикройся, – я едва выдавил это слово, потом сглотнул и повторил. – Прикройся чем-нибудь, пожалуйста.

Эврика уставилась на меня с детской полуулыбкой и нагнулась за платьем. Откуда ей знать, что у меня не было секса несколько лет. Почти не было.

– Пойми, – сказал я. – Это неправильно. У меня есть кое-кто. Это самое дорогое, что у меня есть. Прошу тебя. Пони-

маешь, о чем я?

Бросив на нее взгляд, я обнаружил, что Эвридика до упора открыла рот и глаза. Вряд ли она поняла. Но я не знал, что добавить.

– У меня тоже кто-то есть, – сказала Эврика. – Чего ты?

А кто сомневался, что начнется безумие.

– Насчет твоего парня, – сказал я, чувствуя легкое головокружение. – Между прочим, за нами гоняется именно он. На скутерах были его друзья из Рейва. Понимаешь, он решил, что мы вместе и ревнует, и это вдвойне странно, потому что он и сам, вроде, кое с кем там...

Эвридика закрыла рот.

– В общем, – сказал я. – Черт с ним, забудь о нем.

Она с размаху села на бревно. Я был рядом, но, почуяв ее аромат, незаметно отодвинулся. Мы долго сидели молча, как две отмороженные птицы на жердочке.

Вдруг Эврика затарахтела об эффекте мокрых волос, потом сказала, чтобы я не обижался, и разревелась. Я покачивался на бревне, отрешенно думая, что делать теперь, а она плакала и плакала, то рыдая в ладони, то подняв лицо к небу и глотая слезы.

А я сидел и пялился на ее обувь, размышляя о том, как несуразен бывает мир.

Спустя минут десять я решил глянуть на Эвридику, и с удивлением обнаружил, что в процессе истерики она успела натянуть на себя платье.

– Ты ее видел? – спросила Эврика неожиданно взрослым голосом.

– Кого?

– Ее. Ты сказал, что у него кто-то есть.

– Не помню, чтобы я такое говорил, но да – кто-то есть.

– Какая она? – Эвридика нахмурилась.

– Да никакая, – сказал я. – Не вспомнить. Обычная... пустышка.

Нос Эврики воспалился, ее глаза опухли от слез, но теперь ее черты стали живее. Неловко было думать, что ее я тоже считал пустышкой.

– Я не спрашиваю твое мнение, – сказала Эврика. – Я говорю, как она выглядит? Как одевается.

– Выглядит как все. Загар. Ногти. Крашенные белые волосы.

– Блондинки, – Эвридика закатила глаза и тронула свои каштановые волосы. – Почему они всегда бегают только за светлыми? Ну почему?

Она запустила пальцы в прическу и отжала ее, как мокрую тряпку. В ее руках завитушки распрямились, и по заплаканному лицу Эврики снова побежала струйками озерная вода.

– Цвет волос тут не при чем, – соврал я.

– Я знаю, но... Так тяжело встретить кого-то, завести нормальные отношения, а потом всё оказывается... так глупо.

Нет, глупо то, что творилось во мне. Сидя на бревне рядом с Эврикой, которая застенчиво сморкалась в носовой платок,

я провалился в нечто вроде дна. Мои веки сами опустились на глаза, и я, не заметив этого, смотрел уже сквозь них. И видел только секс. Ароматное тепло Эврики ощущалось ярко как никогда, оно струилось и преломлялось, давая жизнь и дыхание фантазиям. Меня тянуло в пучину грязного порно. Я поднял руку, не в силах держаться. И вторую, и вот уже влажная мягкая Эврика сидела у меня на коленях. Моя ладонь оказалась на ее лодыжке, но Эвридика не возражала. Она скользнула навстречу, и ее живот прижался к моей каменной ширинке. Секунда, и я ощутил, что Эврика знает. И еще хуже – она согласна.

Только не согласен был я. Пришлось обидеть Эвридику, оторвав ее от себя как магнит.

– Прости, – сказала Эврика, и я не знал, что ответить.

– Что теперь? – спросил я резче, чем собирался.

– Поеду домой.

Нельзя. Дома ждут маньяки из Рейва.

– К маме. Скоро осень. А у меня нет теплой одежды.

– Ты уедешь из города? – спросил я.

– Конечно.

Да, я струсил. Я испугался, что не сдержусь и возьму ее.

– Чего мы ждем? – сказал я. – Идем на вокзал.

– Честно? – она глянула на меня, но быстро отвернулась. –

Ты не обидишься, если я тебя брошу?

Нет. Только если она пообещает не возвращаться в город еще месяц.

– Разве что весной, – сказала Эвридика.

Весной будет можно. Пожалуй.

Обогнув край озера, мы выбрались к железнодорожному пути. Я провел Эврику на вокзал и до самой электрички. Мы расстались у расписания. Можно было поцеловать Эвридику на прощание, но я решил больше не рисковать. Я неловко обнял ее, и мы разошлись навсегда. Она не обернулась, а я не ждал отправления. Я слез на шпалы соседнего пути и взял курс на 7-й, где ждали маньяки из Рейва. Всё равно больше идти было некуда.

Огромное количество онанизма – вот и всё, что меня пока заботило.

2 августа 2005 года

– Теперь вас таких двое.

– М-да. Пожалуй, нужно объяснить, о чем говорит наш апельсиновый друг. Со мной был похожий случай. Я был сексуально зависим от одной бабы. В итоге пересел на порнуху. Два года сидел на порносайтах. Там часто вообще ничего нет, кроме ссылок на другой, оттуда на другой, и так далее. Порноиндустрия без всякого порно. Но мне было всё равно.

16 октября 2001 года

По обычной иронии, Механика тоже доконала «порноиндустрия без всякого порно». Тем вечером на Альпы рухнул сильный ураган, который потом назвали собственным именем. Но пока было утро, и воздух едко пах виноградниками.

В ночлежке давали бесплатный завтрак, поэтому в столовой полно было нищих и кочевых неформалов.

Механик взял пару треугольных сэндвичей и побрел наружу. Под вокзальным куполом верещали птицы. Станция, как оранжерея, была сплошь увита цветами. Вдоль центральной платформы располагалось всё подряд, от банковских филиалов до сосисочных, у одной из которых Механик притормозил, чтобы накачать из бесплатного насоса ароматной горчицы.

Он вышел на площадь, кусая сэндвичи по очереди и сильно шурясь на вокзальные часы.

– Ух. Это ровно год назад я потерял работу, – прожевал Механик на смеси английского, немецкого и русского, которую понимал только он сам. Его бормотание растаяло в свисте отбывавшего поезда. Если бы поездка на экспрессе не стоила как персональный компьютер, Механик разыскал бы Синицу куда раньше.

Когда-то он катался по немецким автобанам, заплывая во французские водовороты. Когда-то Механик водил «Актрос». Не какой-нибудь грузовик, а настоящий трак.

Восточные тракеры были странными людьми, поэтому Механик здесь нашел себя. Всегда слишком пухлые или чересчур тощие, с обгоревшей на солнце левой рукой, спящие при каждом удобном случае, пьющие без перерыва, но мало, всегда под амфетамин, чтобы не спать в пути. Тощий и слабый Механик, как ни странно, терпел ночи куда лучше

бывалых тракеров. Ему помогал университетский и армейский опыт. Механик сразу погружался в студенистый вялый ступор и летел над автобаном, качаясь на мягкой подвеске. Иногда ему казалось, что дорожная разметка неподвижна, а иногда – что она медленно струится вдаль, к зареву у самого горизонта, где силуэты ветряков перемигивались красными маячками. Он жил в грузовике как в доме. Ночью видел сны на лобовом стекле. Утром распахивал боковое окно и пьянел от свежего ветра, путая точки дальних фонарей с утренними звездами.

Ноги его наливались водой, голова сползала все ниже к рулю, а глаза больно закатывались под лоб, но Механик не спал по-настоящему. Главное, чтобы не кончился табак. И чтобы на грудь приятно давило ускорение.

Настал день, когда дорожные фонари превратились в луны. В каждой луне плыл узор из пятен и черточек. Механик разглядывал их, когда было скучно.

Спустя месяц луны отпустили щупальца. Они висели на фонарных стеблях как медузы, и над каждой лучилась радуга.

На следующей комиссии его забраковали по зрению.

– И это было год назад.

– Угу, – сказал Механик. – Меня не пустили. Трак весит сорок тонн. Можно переехать легковушку с людьми и не заметить.

Ее подруга отвернулась и загремела вещами, роясь в чер-

ной лаковой сумочке. Двигая острыми лопатками, она сунула в рот сигарету, щелкнула зажигалкой и сквозь зубы втянула дым. Пару затяжек спустя ее подруга снова посмотрела на Механика и поправила волосы.

Губы этой девушки были устроены так, что всегда складывались в легкую улыбку, над которой их хозяйка не имела власти. В уголках ее губ постоянно виднелась отметка горечи.

– М-м... меня зовут Сюзанна, – сказала она. – Знаешь, как это по-немецки? Зюзя! С ума сойти, правда?

– А? – Механик тоже растерялся.

Он десять месяцев жил без табака, и от струйки дыма, попавшей в нос, его немедленно затошнило. Механик помахал у лица рукой.

– Уф, – взгляд Сюзанны метнулся по большой комнате общежития. Сюзанна прошагала в угол, где в нише теснилась кухня, взяла раскладной стул и вернулась.

Сюзанна вся состояла из улыбки, худобы и усеянной родинками загорелой кожи. Одета в легкое платье, выгоревшее до потери узора. Перламутровая заколка в пучке темных волос и цепочка на щиколотке – всё, что успел разглядеть в Сюзанне близорукий Механик.

– Пардон, – сказала она. – Ну, рассказывай. Значит, ты потерял работу и вернулся домой.

Она с лязгом разложила стул и уселась, закинув ногу за ногу. Сюзанна была легка и размашиста. Зажав сигарету в

тонких губах, она шлепнула себя по чуть оголившемуся бедру, и Механику вдруг стало неловко. Он сказал:

– До границы я ехал в автобусе. Хотел попрощаться с дорогой.

Сюзанна три раза медленно кивнула, не отрывая взгляд от кончика своей ноги. Сигарета покачивалась в ее сжатых губах.

– После границы взял поезд. Купе, – сказал Механик. – Первый раз в жизни.

– И там ты встретил ее, – подсказала Сюзанна, изучая свой педикюр.

– Угу, – Механик замялся, но его распирали воспомина-

ния. Он вывалил Сюзанне всё. Рассказал про девушку с зелеными глазами, напротив которой просидел двое суток. Рассказал, как им было весело, как хорошо она смотрелась в измятом комбинезоне, как умела непринужденно материться, говорить пошлости, которые Механику тогда казались лучшими шутками на свете. Как он думал о ней по ночам, когда грохотали колеса, и по стенам мелькали отблески придорожных фонарей.

Проговорившись, как она поймала его взгляд и заявила, что не спит ни с кем в дороге, потому что затрахалась бы насмерть, Механик понял, что терять уже нечего, и рассказал Сюзанне главное.

– И вот что, – сказал он, глядя в никуда. – Она восхи-

тилась, когда я сказал, что работал тракером. Если честно, это была первая женщина, которая мной восхищалась. А еще честнее – вообще первый человек.

Она знала, какой это ужас – проводить столько времени в пути. Она с девочками часто ездила на съемки, и тоже сидела по двое-трое суток в автобусе, и это был настоящий ад по сравнению с купе. Так он узнал, что его попутчица работает на телевидении.

– Она ехала домой на каникулы. Она сошла ночью, а я спал. Я вернулся к себе на 7-й, – Механик почувствовал усталость, подобравшись к концу истории. – Приехал и думаю – что мне тут делать.

Впервые у него появилась какая-то цель. Синица в руках. Так он стал звать ее Синицей, не заметив этого сам. Вернуться на таможду, пробраться в Европу нелегалом – всё это было реально. Он не знал даже имени, но хоть одно было известно точно: она работала в Германии телезвездой.

Механик набрал воздуха.

– Порнозвездой, – бесцветно поправила Сюзанна.

Что?

– Что? – просипел Механик, не успев перевести дух.

– Это «Спайс», – она впервые посмотрела ему в лицо. – Большая немецкая порностудия. *Наша* порностудия.

У Сюзанны были синие глаза, безумные, пляшущие, как газовые конфорки. Она потрянула рукой, указывая на стены. В неподвижном воздухе растаял оранжевый росчерк сигаре-

ты.

– Это что, по-твоему?

Впервые Механик заметил, что стены комнаты оклеены плакатами, на которых то Синица с парнем, то Сюзанна с парнем, а то и они вместе с парнями и без – занимались сексом в тонком белье и красивых позах, откинув головы, разметав волосы и кусая губы в поддельной страсти. Грудь, лобки, – всё было выставлено напоказ. Ничто не осталось воображению. Даже члены. *Особенно* члены. Стройные, идеально гладкие фаллосы, которые Синица здесь и там брала в тонкие розовые пальцы, почти касалась губами, трогала языком...

Механик вдруг понял, что смотрит на мир как-то издали, и в следующий миг обнаружил себя на полу. Вскрик Сюзанны обозначился в его гаснущем сознании, как серый росчерк – V.

Женские образы клубились в голове Механика, пока он силился понять, кого видит перед собой.

– Ох, слава богу, – Сюзанна вытянулась поперек него и разгладила укрывавшее Механика покрывало. Он понял, что лежит на нижнем ярусе двойной кровати.

– Ну, что ты, – Сюзанна опять вернулась к нему, тронув рукой его лоб. – Не расстраивайся так, это же просто софтопорн, тут даже не вставляют ничего в тебя, только иногда может надо поцеловать или прикоснуться...

Механик затряс головой.

– Всё, не буду, – сказала она. – Смотри, я всё завесила.

Он увидел, что все стены занавешены цветными простынями. Открыт был только один плакат, где Сюзанна и Симица обнимались, выставив округлые зады и запустив руки между ног.

– Где она? – спросил Механик.

Сюзанна обхватила себя руками, покачнувшись на краю матраса.

– После *такого* – я боюсь тебе говорить.

– Ты не думай, это просто от усталости. И сигаретный дым, я давно не курил, – сказал он и сглотнул. – Мне нужно ее хотя бы повидать. Я столько искал.

– Ты больше не водишь машину? – спросила Сюзанна. – Потому что я теперь водить не могу.

Механик тупо смотрел на нее.

– Неделю назад ее сбил грузовик, – выдавила девушка. – «Мерседес», большой такой.

– «Актрос»?

– Понятия не имею.

Механик лишь рассмеялся едким кашлем.

– Грузовик, – он хрюкнул и вытер слезы рукавом. – Конечно! Сразу поверил.

Сюзанна криво усмехнулась.

– Я сама теперь именно так об этом говорю, – сказала она. – Уже отревелась.

О чем думать – теперь было неясно. И что теперь делать.

Куда идти.

– Вы что, из этих? – спросил Механик, указав на фотографию подбородком.

– Я лесбиянка, она нет, – ответила Сюзанна. – *Была* нет. Так что я понимаю твои чувства.

– Угу, – сказал Механик. Он трижды попытался сглотнуть, морщась от боли в глотке.

Он не плакал. Сюзанна разрыдалась за него.

– Я тоже ничего не понимаю, – сказала она в ладонь. – Я не знаю, как в Германии можно попасть под машину. Тут скорее попадешь под велосипед. Ничего, врач мне объяснил, ей было не больно. У нее внутри что-то сломалось, и боль не успела дойти в мозг. Они дали ей газ, она заснула, и всё. С ума сойти, правда?

– Не плачь, – Механик растерянно погладил волосы Сюзанны, так же вылинявшие от солнца, как ее старое летнее платье.

– Хорошо, – Сюзанна всхлипнула и притихла. Она подняла голову и уставилась ему в глаза. – Не знаю, чего я. Из-за тебя, наверное. Ты ее искал, и мало того, что она оказалась блядью, снималась в порнухе, жила с подружкой-лесби...

– Да я...

– Нет, не возражай, мне уж было ясно, что ты не в восторге.

Механик отрицательно мотнул головой, но промолчал.

– Знаешь, ты вошел, а я подумала: вот еще один козел, –

призналась Сюзанна. – За нами всегда бегают куча козлов, они считают – если ты в порно, значит, даешь бесплатно. Типа, ради популярности. Когда ты спросил ее, я так разозлилась, что хотела заехать тебе чем-нибудь по голове.

– Спасибо.

– Не за что. Потом ты рассказал о себе, и я подумала – блин, ну кто знал, что так бывает? Она точно не знала. Мы встретились на паспортном контроле. Мы думали, едем танцевать легкий стриптиз, а оказалось – сниматься в легком порно. Всё цивилизованно, никого силой не заставляли. Все девочки развернули оглобли. А мы остались.

– Почему?

– Потому что думали, что все мужики говно, – Сюзанна прижалась к нему. Левой рукой она обвила его за шею, а правой, свободной, принялась вытаскивать застрявшее между ними покрывало. Механик покрылся испариной.

– Стой... э-э... Зюзя! Сюзанна! Зачем?..

– Нам двоим это нужно, – прошептала она ему в ухо.

– Но ты, это самое... любишь девочек!

– Би. Только ради тебя.

Последнюю фразу Механик не понял. Внутри него что-то происходило. Чувствуя горячую ногу Сюзанны, втиснутую между его коленей, Механик боялся. Где-то внутри него, в другом мире, Синица была еще жива, и он хотел сохранить ее.

– Слушай, – огромным усилием Механик вывернулся из-

под Сюзанны. – Ее похоронили? У вас тут хоронят?..

Таких, как она, – эти слова он проглотил.

– Хоронят, – ответила Сюзанна растерянно. – Иди ко мне.

– Не могу, – сказал Механик. – Ты хорошая девушка, но это же предательство.

– Кого? Очнись, ее больше нет! Прости.

– Даже не ее, а меня. Это как-то неправильно, – Механик увяз. – Понимаешь, это самое дорогое, что у меня есть.

Он сел на кровати, стукнувшись головой о верхний ярус. Сюзанна приподнялась на локте и стряхнула волосы со лба.

– Ну, это правильно, это хорошо, что ты так считаешь, я и не сомневалась. Но... если ты мне откажешь, я обижусь.

– Где она похоронена?

– Сначала поцелуй меня.

Опять Механик почуял отголоски безумия, не дающего уснуть, присесть и даже удержать в карманах руки. Он поднялся, распираемый глупой верностью, которая год назад выгнала его из дома.

– Извини, – сказал он. – Если ты не скажешь, я сам ее найду. Мне не привыкать.

Сюзанна уставилась ему в глаза. Она вскочила с кровати и забегала по комнате, срывая простыни с занавешенных стен. Обнажив голую Синицу в чужих объятиях, она развернулась и прошлепала к черной сумочке, брошенной на столе. Достала зажигалку, сигарету, карандаш для бровей и рекламную листовку. Механически закулив, Сюзанна тушью провела на

белом обороте листа несколько резких линий.

– Здесь попросишь водителя повернуть на серпантин, – она сунула пестрый листок ему в руки и постучала ногтем по чертежу. – Блин, как ты близко смотришь!

Он прошел в коридор и натянул кроссовки. Настоящий «адидаас». Механик украл эту пару с двух фирменных стендов. Сюзанна бросила ему куртку и распахнула дверь. Выбегаясь наружу, он увидел краем глаза, как она села на пол, вытянула ноги и раздавила сигарету о паркет.

На стоянке электрический ветер мучил опавшие листья. Механик перевернул листовку. На обороте была реклама. Сотня голых девушек и Синица, блиставшая абрикосовым телом, настоящим сокровищем, которое теперь зарыли в землю. И вот она, карта.

Он аккуратно сложил листок и убрал его в карман рубашки.

Вдруг Механик понял, что не хочет ловить машину.

«Ладно. Поищем велосипед», – решил он, глядя в сторону велостоянки.

2 сентября 2005 года

– Но почему его направили ко мне в сексологию? При всем уважении.

– Поттер... всё не привыкну звать вас Поттер. Я вам говорю начистоту. Во-первых, нам ответили по личности парня. Так вот, его нет, вы понимаете? Он находится в Москве.

– И что? Подумаешь...

– Нет, вы дослушайте. Он мертв. Он *похоронен* там.

– Такого... да ну, такого не может быть.

– Это *вы* мне говорите? Вы, человек, поменявший имя на черт знает что? Стыдно сдавать реестры... короче, разбейтесь. Всякая мистика – отныне ваше дело.

Глава 2. Самое дорогое

20 апреля 2003 года

Герметичной тишиной и яркими лампами подъезд напоминал стыковочный модуль. Его стальная дверь, запечатанная электромагнитом, вела на Ленинградское шоссе. Пробок еще не было, и стайки автомобилей носились туда-сюда по утреннему асфальту, вспарывая шинами водяную пленку. Улица пахла сыростью и простором. Солнце едва коснулось самых верхних этажей, и окна сияли красной медью в густой московской синеве.

Он шел по аллее, стараясь держать курс на далекий центр. Он дважды пытался сосчитать полосы на шоссе, но оба раза сбился.

– Дорогу! К обочине! Уступи дорогу!

Вдогонку мегафону рыгнула сирена, и две машины пронесли мимо, сияя мигалками. За ними хищно скользнул лимузин.

Первые дни его тошнило от расстояний, от количества пешеходов, от высоченных домов. Проспекты Москвы тянулись от горизонта до горизонта, не давая отдыха глазам. За каждым поворотом открывалась новая вселенная. Но он привык. Москва оказалась таким же городом, просто на вырост.

Теперь он шел сквозь человеческую рябь, замечая только интересное. Как человек, одетый в рекламные щиты, ест у ларька горячий бутерброд. Как огромный парень в куртке и сапогах просит милостыню. И лимузины. И будки с кнопкой вызова милиции. И рекламные щиты.

ТВОЙ ЗВОНОК СВЯЖЕТ ТЕРРОРИСТАМ РУКИ.

Всё это было необычно.

«Писать о людях», – подумал он, вспомнив Синицу.

Срочно найти газету и попроситься в редакцию журналистом.

Его Синица теперь жила в нем. Он хранил в памяти всё, что мог: ее походку, запах и смех. Даже ее мечты. Вместо карты Москвы он таскал в кармане другую карту – старый глянцевого листок. На его обороте все девушки были замазованы черным маркером – кроме нее. Он хотел закрасить тело и оставить только лицо. И не смог.

В Москве было девять утра, когда он пересек Земляной и вспомнил разговор с ней.

– С другой стороны, ты же мечтал кем-то стать? Теперь ты можешь. Кем угодно.

– Гм.

– Что, не мечтал? Вообще? Даже в детстве?

– Ну, в детстве космонавтом.

– Фу-у. Ну, а потом? В юности?

– В юности – уехать.

– Два раза фу. Тебе не идет.

– Что не идет?

– Быть обывателем. Ты слишком странный.

– А ты?

– Я вообще ненормальная.

– Да нет. Ты кем мечтала?

– Я вообще-то еще мечтаю. Много кем. Журналистом, например.

– Для чего?

– Я с тобой загнусь от тоски. Писать о людях.

– Можно же написать книгу.

– Ну нет, это как раздеться догола. При ярком свете. Перед толпой озабоченных. Я к этому не готова.

– Но у вас на телевидении разве по-другому?

Она расхохоталась так отчаянно, что он смутился и покраснел. В уголках ее глаз блеснули слезы. Наконец она смолкла и ощупала затылок.

– Уф. Даже в голове что-то хрустнуло.

2 сентября 2005 года

– Хотите яблоко?

– Сам ешь свое яблоко. Ты лучше скажи новенькому, от чего лечишься.

– Маниакально-депрессивный психоз с навязчивой идеей о вегетофилии.

– Понял? Каков фруктоёб, а? Вообще здесь яблок не достать. Ему санитары подкидывают, ради смеха.

20 апреля 2003 года

Где-то в стене очнулся репродуктор.

– Всем доброе утро, в Москве девять часов, и с этой минуты я начинаю принимать ваши заявки по короткому номеру...

Лиза открыла глаза, не успев еще проснуться, и сразу потерялась в окружающих формах. В полу что-то звякнуло, грохнуло, и потолок отозвался крупной дрожью. По щеке скользнул горячий солнечный блик. Лиза шевельнулась. Поняла, что одета, и вспомнила, где находится.

Она спала в скором поезде, куда прошлым вечером ее затащил Макс. Лиза вспомнила, как от вокзальной суматохи у нее болела голова, хотя воздух был холоден и прозрачен. Повсюду сияли огни, и тени под навесом были черны как графит. Она спотыкалась, чиркая каблуками, поправляя липнувшие к помаде волосы, сжимая в ледяной руке бокал, в котором бесилось дорогое шампанское. Рассеянно кивала Максиму и пила за удачу.

Лиза снова бросила всё. Она из года в год поступала так, и каждый раз возвращалась с измотанными нервами и сигаретой в руке. Всю ночь грелась коньяком в темной «студии», обещая себе, что это был последний раз. С последнего ее последнего раза прошло четыре месяца.

Впервые Лизу занесло так далеко от дома. За алюминиевым окном тянулась Москва.

Лиза нащупала в кармане зеркальце и бегло привела себя

в порядок, напоследок тихо ужаснувшись. Ей хотелось курить, но сигарет не было. Ночью, прикончив свои запасы, Максим гнусно залез в карман ее пальто и стащил оттуда последние ультралегкие (а ведь презирал такие, гад). Раскрытая пачка валялась на столике, а виновный бесстыдно сопел по другую сторону.

Из репродуктора зазвучала первая утренняя заявка. Два слабых девичьих голоса надрывно затянули песню.

– Нет, только не «Сказки», и *здесь* они, я сейчас убью себя, – застонали напротив.

Одеяло распахнулось, явив растрепанного Макса. Он изобразил харакири, пуча глаза на спрятанный репродуктор. Лиза не выдержала и засмеялась, попутно укорив себя за это.

– А ты даже знаешь, кто поет.

– Неудивительно, – сказал Максим, зевая сквозь прикрытый рот. – Их попробуй не знать. Когда станешь звездой, умоляю, разыщи человека по имени Корнеев. Я дам тебе яд, который ты бросишь в его пищу.

Он прохлопал карманы брюк и потянул с крючка свой пиджак.

– Корнеев – это кто? – спросила Лиза, с интересом наблюдая за ним.

– Продюсер, – сказал Макс. – Покровитель всея попсы. Когда он умрет, мы истребим остальных, и они не возродятся вновь. А где сигареты?

Он глянул по сторонам, комкая в пальцах опустошенную

пачку.

– Кончились, – сказала Лиза.

– ...ТВОЮ МАТЬ!

Лиза сжалась и дернулась, видя, как Максим замахивается и швыряет картонный шарик ей прямо в лицо.

«Вот почему ничего между нами не было и не случится», – думала она, пока скомканная пачка летела в цель. Да, он ей нравился. Да, он хотел заботиться о ней. И всё равно, Лиза в жизни не смогла бы довериться такому человеку. Ей хватало собственной циклотимии.

Скомканная пачка стукнула в оконное стекло, и конечно, не была нацелена в Лизу, и не произвела разрушений, просто мягко скатилась на стол.

Макс недовольно уставился в угол купе. Он знал, что противен ей, и злился на себя за это, мучительно думая, как извиниться, не задев темы «икс».

Он чувствовал себя *преотвратно*. Без сигареты трудно проснуться окончательно, тем более, когда всю ночь валялся, прихлебывая шампанское из бутылки. Шепча надоедливую фразу, которая пьяно засела в голове и стучала в ушах под ночной колесный грохот:

С одной стороны,

...старая жизнь окончена.

С другой стороны,

...новая будет, как я захочу.

С одной стороны...

На рассвете у него закончились сигареты, а еще через полчаса сгорели десять блядских пустышек из пачки, взятой у Лизы в долг. В пять часов он перестал замечать стук колес. В голове стало тихо, но Макс не мог уснуть всё равно – слишком колотилось сердце. Тогда, от безысходности, он решил думать о ней.

Максим знал, что нравится Лизе. Он мог элементарно соблазнить ее, даже более чем, и ни секунды не ждал бы, окажись на ее месте другая. Но с Лизкой вышло по-другому. С ней он впервые захотел взаимности. Вот она, тема «икс». Макс еще не знал, как добиться своего, хотя абстрактный план у него был. Очень даже был.

И он заснул, едва три часа назад, чтобы проснуться от звуков чертовой песни «Сказок», без сигарет и с привкусом говна во рту.

– А шампанское? Есть? – спросил Максим холоднее, чем хотел, зато вне темы «икс».

Лиза качнула головой, разглядывая бесконечный забор с граффити, тянувшийся за окном.

Макс поднялся, мимоходом зацепив горлышко пустой бутылки. Та повалилась на бок и с рокотом откатилась Лизе под туфлю. Следом нашлось еще две, тоже пустые.

– Сколько же мы вчера?.. – спросил он, потирая щеку и вращая бутылку на уровне глаз.

– Я – один бокал, – сказала Лиза и глянула по сторонам. –

Даже не знаю, куда он делся.

– Кроме шуток? Ты хочешь сказать, что это всё я?

Максим поймал себя на честном изумлении, но осекся, потому что Лиза могла оказаться права. Даже более чем права: она уснула, оставив бокал на треть полным.

Так или иначе, получается, что он выпил три бутылки сам. И еще треть бокала.

– Видимо, да, – сказала Лиза беззаботно – или же с при-
творным равнодушием?

Макс неуверенно затолкал бутылку в нишу под стол.

«Она сама говорила, что я не алкоголик», – подумал он.
Разве не так?

Вообще-то, не совсем. Лиза сказала, что поведение Максима *нетипично* для алкоголика. Люди с алкоголизмом пьют не для того, чтобы развеяться, а чтобы забыться, вернуться к нормальной жизни. Дальше, они редко идут за лечением добровольно. А Макс пришел сам. Алкаши отказываются признать себя больными, а он готов был.

Ведь это определенно доказывало, что он *не* алкоголик, правильно?

– Мои извинения, – сказал Максим. – Я... не то чтобы мне хотелось выпить, я просто не умею спать в поездах.

Лиза повернула голову.

– Макс, тебе незачем оправдываться. Ты взрослый человек и даже не мой клиент. Теперь я сама твой клиент.

«Очень характерно», – подумал Макс. *Вечное бегство от*

прямоты. Так называемый психолог. Нет, чтобы принимать людей такими, как есть. Не считая ее странного друга, без которого Лиза не желала ехать. «В *этом* отношении», – думал Максим, – «ее терпимость переходит всякие границы». И нельзя было указать Лизе на это, потому что ревность, как известно, эмоция «икс».

– Прибываем, – захрипела снаружи проводница, для наглядности грохнув в железную дверь кулаком. – Прибываем.

И ее голос двинулся прочь.

Они вскочили по сигналу, как пара десантников. Макс помог Лизе надеть пальто, а она подсадила дорожный рюкзак ему на спину. Внутри лежала ее вторая пара туфель и скудный гардероб.

– Зачем же ты надел пиджак? Он испортится!

– Ничего. Это ненужный пиджак.

Вдоль состава пробежал металлический лязг. Что-то цапнуло под днищем, зарычало, поезд ухнул напоследок и остановился.

Лиза высадилась первой, а Максим застрял среди пассажиров и теперь брел в очереди, уже приметив в окно тощего паренька, ждущего на перроне. Что связывало этого дистрофика и Лизку – Макс понятия не имел. На вопросы, заданные вне темы «икс», Лиза отвечала, что он вроде ее клиента и заодно как подруга мужского пола. Может, он голубой? Максим не знал и определить не мог. Геи ведь часто дружат с женщинами? В это хотелось верить. Или вообще помере-

щилось, и на перроне стоял кто-то другой?

– Димка! – крикнула Лиза, и парень обернулся на голос. Все-таки это был он.

Спускаясь из вагона под рюкзаком, набитым ее, кстати, вещами, и наблюдая, как Лиза обнимает и целует свою мужскую подругу, Максим решил – нет, всё нормально. Что она могла найти в *этом*? Неужели *этот* мог хоть чем-то ее привлекать? Ни за что.

Он стоял, разглядывая их, и упрямо думал: просто невозможно, чтобы между этими двумя что-то было. Просто *совсем, абсолютно, ни хера* такого не может быть.

20 апреля 2003 года

– Твой друг за нами еле успевает, – сказал Дима.

– Пожалуйста, еще секунду, – сказала Лиза вполголоса. – Мне надо выговориться.

Всю прошедшую неделю Лиза общалась в основном с родителями и с Максом, а он готов был говорить только о славе и переезде. Слушать его временами было страшно. Лизу мучило предчувствие сделки, в которой под оплату выделена опасно широкая и до сих пор незанятая графа. Потребуй Макс каких-то денег – пожалуйста. Коснись он секса или заяви права на Лизу – она сочла бы его придурком и разорвала всякие отношения.

Но Максим не требовал ничего.

– Я прямо спросила – зачем тебе, чтобы я прославилась?

– А он?

– Говорит, я это заслуживаю.

Стоячий апрельский воздух казался теплым, но при быстрой ходьбе сочился прямо сквозь одежду, щекоча кожу ледяными струйками.

– Правда, убавим ходу, – попросил Дима.

– Ну, пожалуйста, одну секунду!

– Я пришел пешком и так.

– Пешком? Ты что! Вот ненормальный. Я сама на каблучках еле успеваю, но подожди, – взмолилась Лиза, еще больше ускоряя шаг. – Только один вопрос.

– Ага.

– Два вопроса!

– Не беги.

– Макс – он правда?... как его. Ну, ты понял.

У Лизы начали греться щеки, особенно правая, которую Дима не мог видеть.

– Может, когда ему наскучат деньги, – сказал он.

Ну вот, подумала Лиза. Просила – и ешь теперь.

Этим Дима увлек ее вначале и продолжал удивлять до сих пор. Он легко отвечал на любой вопрос, даже когда вопроса не было. Даже если она сама не могла себя понять, – Диме нужна была секунда, чтобы поскрести в затылке и вывалить загадочный, далекий по смыслу ответ.

Конечно, так делали многие. На ее факультете учились целые поколения девочек и парней, которые прямо лопались от знания подтекстов. Они всегда говорили что-то проница-

тельное, глубокое, с ударением на частицах: «мне ясно, почему ты спросила *так*». Или «могу сказать тебе, *что* ты имеешь в виду».

Но у слов Димы было послевкусие. Они глотались шершаво, как таблетки, оставляя только недоумение. Зато со временем...

– Спрашивай дальше.

– Приехать сюда – была хорошая идея?

– А были другие?

Лиза прикусила губу, терпеливо ожидая, когда таблетка начнет действовать.

– Спасибо. Ты прав, – сказала она три шага спустя.

– Не за что.

– Эй, – выдохнули позади.

– Макс! Извини нас, – Лиза повернулась на каблуках, виновато улыбаясь.

– Это, б... невыразимо, бя... Куда вы торопитесь?

Максим пыхтел, сжимая губы в попытке сберечь достоинство. Вслед за руганью из его рта вырывался пар и кашель.

– Прости! Всё, – Лиза положила руку ему на плечо. – Теперь – всё, что ты захочешь.

Максим потряс головой и тяжело сглотнул.

– Выкурить сигарету. И перекусить.

– Сейчас купим, – сказал Дима, глядя по сторонам.

– Я пойду за сигаретами, – подхватила Лиза.

– Пончики сгодятся?

– Жди здесь.

Лиза чмокнула его в щеку. Ее друг неловко хлопнул Макса по плечу, и они разбежались, оставив его ждать у светофора в круговороте столичных пешеходов. Максим хотел пойти за Лизой, но понял, что слишком устал.

Его план *обязан* был сработать. Других вариантов просто не оставалось.

20 апреля 2003 года

Они высадились у котлована, где желтый упрямый бульдозер перекладывал кучи грязи с одного места на другое.

– Ну что там? Скоро? – в десятый раз повторил Макс.

– Еще минут двадцать, и мы дома, – сказал Дима.

Максим потянулся, разминая шею и плечи.

– Кое-кто уверял нас, что остановка рядом.

– По здешним меркам.

– Двадцать минут – это *рядом*? И нам придется ходить к ней каждый день? На хер надо.

– Есть метро.

– И?

– Но это без меня. Я туда не могу.

– Что значит – *не могу*?

– Ну, хватит вам, – сказала Лиза. – В автобусе было лучше. Хоть посмотрели город.

«Не стоило доверять выбор жилья такому безобразно неприхотливому существу», – думал Максим. Он сам должен был приехать сюда и найти квартиру. Но тогда Лиза осталась

бы с *ним*. Она не соглашалась ехать без Димы. Третий вариант – ехать с Дмитрием – тоже его не устраивал, потому что Максим хотел быть с *ней*. Эта усложненная задача про волка, козу и капусту не имела безупречного решения.

– Вон он, наш дом, – сказал Дима.

– Панельный, – отметил Максим.

У подъезда стоял дорогой кабриолет с поднятым верхом. Проходя мимо, Лиза коснулась его борта. Машина свистнула и мигнула фарами.

– Красивая, – сказала Лиза.

– У нас тоже такая будет, – пообещал Максим. – Кстати, колеса спущены.

– Их порезали, – сказал Дима. – Здесь так положено мстить, если чужой паркуется.

У подъезда торчала железная лавка. Лиза не удержалась и присела, мимоходом нырнув в сумку за помадой и зеркальцем. Железное сиденье напилось мягким апрельским солнцем, и в ее ногах тут же закипела истома. Лиза достала свежую пачку, сорвала фольгу и закурила, хотя такой воздух жаль было портить курением.

– Вводи код. Готов? – Дима выудил из кармана неровный клочок бумаги и прочел, шаря в цифрах носом. – Четыре-семь-шесть-три-шесть-ноль-два... Так? Два-пять-восемь.

– Однако, – сказал Максим, перебирая кнопки.

Замок рявкнул так выразительно и резко, что Макс отдер-

нул пальцы.

– Можно? – он взял листок. – Угу. Кое-кто продиктовал лишнюю двойку.

– А кто-то спешит неизвестно куда.

Максим обернулся и уставился ему в глаза. Вот что Диме упорно не давалось – говорящие взгляды. Он наугад предъявил Максу высунутый язык. Когда Лиза хихикнула, Дима решил, что все сделал правильно.

Только он ошибся. «*Как он ошибся*», – думал Макс. Найдись хоть один способ разделаться с этим... Нет, умнее было просто трахнуть ее и забыть. Жаль, что не он управлял чувством к Лизе, а наоборот. Макс не годился для этой игры. Его не хватало на козла или волка, – да и капуста, похоже, не всегда решала проблемы.

В подъезде Дмитрий снова начал выделяться.

– Что значит – *не могу*?

– Ездить в лифте, – сказал Дима.

– Вместо «не могу» следует говорить «не хочу». Спроси нашего психолога, – Максим кивнул на Лизу.

– Значит, не хочу. Так правильно?

Вокруг было стерильно тихо, и ссориться приходилось вполголоса.

– Хватит, Макс, – сказала Лиза. – Если Диме не нравится лифт, это его дело.

– Мне нравится. Но я боюсь.

– Как можно бояться *лифта*?

– Так же, как метро. Я на черный ход.

Максим нашарил в темноте кнопку вызова и нажал ее, потом еще и еще. На третий раз где-то в шахте ухнула и заскрипела кабина.

– Он вырос в поселке, – шепотом объяснила Лиза. – У него фобия.

– Восхитительно, – сказал Максим. – Фобия. А что еще? Глисты?

– Ну тебя.

– Дизентерия?

– Заткнись уже, блядь. Надоел.

Макс немедленно заткнулся. Он знал, что Лиза матерится только в крайнем раздражении – или восторге, о котором сейчас речи не было.

Они топтались на месте, слушая, как за створками гудит и поскрипывает шахта.

– Ох, Лизка, – сказал Максим. – Завтра ты станешь знаме...

– Знаешь, что, – прервала его Лиза. – Наверное, поднимусь и я пешком.

Максим открыл рот и сразу аккуратно закрыл его, надеясь, что в темноте эта манипуляция прошла незамеченной.

Дима шел и считал. На сто тридцатой ступени в его ногах разгорелась усталость, и тогда он сбавил ход. Ледяные непрозрачные тени чередовались на лестнице с квадратами золотого воздуха, где чайнками клубилась пыль. Дима при-

сел отдохнуть в одном из горячих островков и задумался, представляя клеточную агонию внутри своих икроножных мышц. Вообразил, как пузырится и плавится умирающая ткань, и потоки свежей крови заполняют полости.

В его сидячие размышления врезалась запыхавшаяся Лиза.

– Димка... убьешь! О чем задумался?

– Что можно такого написать, если стать журналистом.

– Ого! И почему вдруг журналистом?

– Между историей и ложью тонкая грань, – туманно сказал Дима. – Идем дальше?

– Одну секунду... – послышался чей-то голос.

Из-за угла выполз несчастный Максим, придавленный рюкзаком.

– Лифт застрял. С какой стати вы расселись?

20 апреля 2003 года

Максим расхаживал по комнате, сунув ладони под ремень брюк.

– Панельный дом. Верхний этаж. Толчок прямо в ванной. Я уж не говорю про балкон.

– Балкон? – спросил Дима.

– Вот именно. Где он? – Максим огляделся. – И более того, комнаты смежные! В этой, проходной, кто будет жить?

– Я буду, – сказала Лиза.

– И я могу, – сказал Дима.

Они двое сидели на диване с потертой бархатной обивкой.

Лиза с удовольствием разулась, забралась на подушки с ногами и теперь пыталась раскрутить туфлю на указательном пальце. Забавный интерьер, устало думала она. Этажерка из парусины, везде узкие полки, телевизор просто огромный...

– Да я и сам мог бы, не вопрос, – Максим тоже присел на край дивана. – Мне вот что непонятно. Я дал тебе координаты агентства. Неужели за *тысячу президентов* они не смогли найти что-то приличнее?

– За столько – разве что в неделю или пригород, так они просили тебе передать. Был еще вариант без мебели, и еще вот этот, Речной вокзал, за две тысячи.

Услышав цену, Макс побледнел.

– Моих денег хватит на полтора месяца, – сказал он чуть хрипло.

– Ну и нормально.

– В том случае, если мы не будем есть.

Туфля сорвалась у Лизы с пальца и метко задела стеклянный плафон. Тот повернулся, царапнул о железо и рухнул, нацеленный в макушку Димы, который едва успел зажмуриться.

Вздвогнув, Лиза ждала, что тяжелый шар стукнет ему по черепу, и одно из двух с хрустом расколется надвое.

Но стука не было. Дима покосился вверх. Над его макушкой висело матовое чудовище, подхваченное рукой Макса.

– Уф. Спасибо за понимание, – сказал Дима.

Максим вернул стеклянный шар на крючок, мельком уко-

рив себя за лишние рефлексy. Он посмотрел на Лизу, которая спряталась в угол дивана, запечатав рот ладонью.

– Без меня вы точно пропадете.

Полчаса спустя, когда Лиза ушла переодеваться и заперлась в своей новой комнате, она подумала, что Макс очень даже прав. До отъезда столица представлялась ей чем-то вроде карнавала, сборища пестрых интересных людей, занятых в основном деньгами и славой. И вот она, Лиза, выходит им навстречу в роскошном платье, нет, даже в строгом, но с каким-нибудь вырезом. Берет у официанта бокал. *Извините, что прервала, я здесь осмотрюсь, а вы продолжайте.*

Но теперь между штор заглядывала настоящая Москва, а в зеркале отражалась настоящая Лиза, которая не покупала роскошных платьев со школьного выпуска. В гардеробе у которой не водилось и просто строгих вещей, не говоря о строгих с вырезом. У нее были красивые ноги – и только две юбки, а все туфли на среднем каблучке или без. «Вообще-то», – подумала Лиза, – «умопомрачительные вещи покупаются или мужчиной, или для мужчин». А ей противны были оба варианта.

Она распахнула шторы, с удивлением обнаружив за стеклом решетку. Открыла форточку и уселась на кровать. Вынула ноги из пыльных джинсов, стащила через голову надоевшую кофту, разделась догола и закуталась в купальный халат. Предвечерний воздух, сочившийся между прутьев, был холоден и терпок.

Конечно, Макс умел распорядиться деньгами. Пока заведем стабильный доход, сказал он, берем только самое нужное. Изначально всё делим поровну. Когда разбогатеет, тогда решим, кто, сколько и кому должен. Он безоговорочно верил себе, думала Лиза. Ни одного «если». Уметь бы так.

Она закинула руку за голову, оголила плечо, как девочка с обложки, и попробовала собой восхититься. Местами это удавалось. Лизе нравился искристый цвет своих глаз. И улыбка, только не сильно широкая, иначе слишком выдавались скулы, и куда-то терялся подбородок.

Но уставшие сутулые плечи. И волосы, обычно мягкие, истрепались и сбились за ушами в клочья.

Лиза расстроилась и показала язык своему грустному отражению.

Она запахнула халат и выглянула из комнаты. В гостиной было пусто.

– Эй! Ванная свободна?

– Да, – отозвался Дима. – Я на кухне, а Максим вышел за продуктами.

В небольшой ванной, кроме унитаза, теснилась и дешевая стиральная машина, – еще одно расстройство для Макса. Но вода была отличной. Вместе с пеной в шипучих душевых струях растаяли все опасения, терзавшие Лизу. Она представляла, как плещется голая в незнакомой ванной, а вокруг сотни километров чужого города, и в ней закипала веселая дерзость. Лизе хотелось выкинуть что-нибудь насмешливое

и вульгарное, но в голову лезли только наивные глупости.

На зеркальной полке роилась уйма пузырьков и тюбиков: кремы, шампуни, кондиционеры, бальзамы, – а в шкафчике нашелся даже фен.

Уперев ногу в край ванны и растирая ее махровым полотенцем, Лиза глянула в зеркало и ощутила прилив нежности к безумной девчонке по ту сторону. Не удержалась и чмокнула себя в коленку. Между двумя Лизами снова установился мир.

– Вы когда-нибудь делали что-то нарочито вульгарное? – спросила она за ужином.

– Нарочито? – переспросил Максим.

Он сидел на корточках, выуживая из клеенчатой сумки бумажные пакеты и свертки.

– Для удовольствия, – сказала Лиза.

– Опять какой-нибудь тест?

– Я делал, – сказал Дима, изучая бутерброд. – Раз в общаге у меня засох хлеб, я отнес его на кухню и выбросил в мусорку. И пнул ее ногой.

– Зачем? – спросил Макс.

– Не знаю. Хотелось.

Лиза рассмеялась и высунула кончик языка.

– А я, – задумалась она. – А я порвала книгу.

– Какую?

– Не помню. То есть, даже не порвала, а надорвала до середины.

– Гм.

– А ты сам никогда такого не делал?

– Какого – такого?

– Жап, – выдавил Дима. Он разжевал колбасу и сглотнул. –

Запрещенного.

– Да мне все разрешалось, – ответил Максим, шурша продуктами.

– Ну хоть что-нибудь! – настаивала Лиза.

– Ладно, – он встал и отряхнул колени. – Я разбил машину отца. Не знаю, считается ли.

– Ого.

– Его вторую машину. «Шестисотый», он его только что купил. Ну, вы помните. Все бандиты тогда меняли джипы на «шестисотые».

Дима выудил из-под стола звякнувший пакет.

– Что это? – Лиза посмотрела внутрь.

– Мартини, – ответил Макс.

– Целых две?

– Мало ли. Вдруг не только мне захочется.

Лиза вернула бутылку на место. Стоило бы напомнить кому-то, что он собирался брать только необходимое, и что вряд ли сюда относится мартини. Кроме того, ведь Максим точно выпьет обе бутылки сам, если больше никто не захочет. И не хватало, чтобы он спился здесь от перевозбуждения. Но, посмотрев на хмурого Макса, готового терпеть любые укоры, Лиза сдалась. Деньги, опять же, были в основном

его.

– Ладно, – сказала она. – Главное, не пропей наши обратные билеты.

И ушла одеваться.

20 апреля 2003 года

– Давайте смотреть ящик, – предложила Лиза.

Дима спрыгнул на пол и обошел вокруг телевизора.

– Здоровый. Я такие сто раз видел. Только не знаю, где включается.

– Сто раз видел – и не знаешь? – ухмыльнулся Макс.

– Мы их не включали. Мы их кувалдой били.

Максим рефлекторно сунул руку между диванных подушек. Пульт и вправду нашелся там.

Щелк! – и на экране проявилось лицо женщины с глубокой черточкой между бровей.

– ...ный злой рок, – говорила она. – Уверена, что Богу наш с Толиком союз был выгоден...

Дама на экране улыбнулась, и гостиная взорвалась аплодисментами. На стенах зарябили цветные блики. Грохнула музыкальная вставка – и вдруг телевизор умолк.

– Эй! – сказала Лиза.

– Извиняюсь, – отозвался Дима. – Это я сел на пульт.

– Вернуть? – предложил Макс.

Лиза поспешно встала.

– Нет, спасибо. Говорят, это вредно в больших количествах. Какие у нас еще варианты?

Все задумались. Максим знал вариант, но ему нужен был подходящий момент. Лиза пошла бы на прогулку, но ходить по незнакомому городу в сумерках... Дима углубился в мысли о журналистике.

Гостиную до краев заполнил московский вечер, и на бежевых обоях плескались тени.

– Все-таки жалко, что балкона нет, – сказала Лиза.

– Не выпить ли martini? – решился Макс.

– Есть идея!

Дима вскочил и кинулся прочь из комнаты, попутно едва не обрушив торшер. Хрустнул замок на входной двери. В комнату дунул вечерний холод, и люстра закрипела, медленно поворачиваясь на крючке.

– Сволочь, – заметил в полумраке Макс.

– Идите сюда, – долетело с лестничной клетки.

Трафаретные буквы на краске сообщали, что за дверью «лифтовая», но вход туда строго запрещен. Облупившийся запрет был подкреплён рыжим навесным замком.

– Может, не стоит? – вполголоса спросила Лиза.

– Да ее не трогали много лет, – сказал Дима. – Смотри, ржавое все.

– Я не умею взламывать замки, – сказал Макс.

– Ничего, я умею, – сказал Дима. – Уксус есть?

– Нет.

– Ладно, справимся так.

Он вытащил из кармана что-то вроде крупного портмоне

из бурой кожи. Распластал его по железной ступени. Внутри оказалась целая мастерская: ключи, отвертки, странные иглы. Дима вытащил тонкий напильник, сунул в рот палец и провел им вдоль стального ребра. Приложил напильник к замку и чиркнул им несколько раз.

– Композитный, – пробормотал Дима.

– Это хорошо? – спросил Макс.

– Плохо. Ничего, я такие хорошо знаю. Утюг без секрета.

Он взял отвертку с фонариком и осветил ею в скважину, сунув туда же нос. Выбрал две иглы и по очереди загнал их в замочный механизм.

– Придержи вот эти, – сказал Дима.

Максим послушно взялся за иглы. Третью Дима взял сам, одновременно ухватив стержень замка плоскогубцами.

– Левый чуть нажми, – скомандовал он.

Замок противно заскрипел и подался. Из скважины высыпалась щепотка измельченной ржавчины, испачкав Максу запястья.

– Держи, не пускай! – Дима подналег на стержень, и еще больше ржавчины высыпалось им под ноги.

Нижняя часть замка повисла на шупах и рухнула. Максим едва не уронил ее на железный пол, в последний момент изловчившись подставить ногу.

– Твою м-м... – взвыл он шепотом.

Дима подобрал замок и пристроил его у двери, которая теперь была открыта.

Из бетонного колодца дул ветерок. Оттуда пахло смолой и цементом. Справа, за второй железной дверью, непривычно громко щелкал и завывал лифтовой механизм. Наверх вела лестница. В потолке виднелся квадратный лаз, перетянутый матовой клеенкой.

На полпути стало понятно, что люк открыт. Темная клеенка оказалась лоскутом вечернего неба, который рос и рос, вытесняя мир. Когда Дима вылез на хрустящую смоляную корку и огляделся, вокруг остался только густой воздушный купол. На полусогнутых ногах, хватаясь за стенку вентиляционной шахты, Дима подобрался к бетонной плите и торопливо сел.

На крышу вышла Лиза, тоже оглушенная холодным ветром. Здесь непрерывно дул ветер. Его потоки захлестывали рот и ударяли в ноздри, заставляя жмуриться.

– Как на море, – крикнула Лиза, осторожно пробираясь вдоль стенки.

Далеко внизу, перпендикулярно ветру, катилась лавина огней.

– А где Макс?

– Пошел за курткой.

– Что?

Все уличные звуки на такой высоте смешивались в равномерный оглушительный рокот, среди которого изредка трубили уличные сигналы.

Лиза села рядом и наклонилась к Диминому уху.

– А я не боюсь, – сказала она. – И вообще, мне уже хорошо. Спасибо.

Дима открыл рот, но его перебил Максим, который тащил что-то громоздкое.

– Помогите, что ли, а?

Лиза подобралась к Максиму и взяла у него пальто.

– Что у тебя здесь?

– Шезлонги. Стояли в гардеробе.

– Ух ты! Божественно. Димка, иди помоги!

Бокал martini в шезлонге на берегу моря огней. Ей хотелось написать песню с таким названием. Или просто: «Берег моря огней». И бокал martini.

– Если дальше будет так же хорошо, я здесь привыкну, – сказала Лиза.

– Я уже, – сказал Дима.

Ему лень было шевелить языком. Лиза убедила его попросить вина. Это был первый крепкий напиток за два года, и Дима тут же опьянел. Он развалился в шезлонге и смотрел в небо, где среди рваных весенних облаков угадывались мутные звезды.

– Лично мне идея Москвы нравится, – сказал Максим. – Человек по природе хищник... ему более свойственно рвать зубами глотки, чем жевать сено.

– Почему хищник? – спросила Лиза.

– Клыки во рту.

Над городом верещали какие-то вечерние птицы. Совсем

рядом, под крышей чердачной будки, топтался целый выводок голубей.

– Тогда это не для меня, – сказала Лиза. – Я не умею рвать глотки.

– И не придется. Это дело пиарщиков. Как бы эти говнюки меня не обгадили.

– Кто?

– Вон, голуби.

– А... Ну, если меня вообще примут на телевидение.

– Примут. Это же Москва.

«Вот оно», – вдруг подумал Дима. *Машины едут по земле. А звук – будто в небе.* – Извините, я выйду... – сказала Лиза. – Мне нужно в туалет.

Она выбралась из шезлонга и прошла к выходу, Почти твердо, едва косясь на открытое пространство.

Две минуты прошло в тишине.

– Макс?

– Я слушаю.

– Какие в Москве есть журналы? Или газеты?

– Гм. «Известия». «Форбс». «Ритм-н-блюз».

– О, а что это? Какая-то музыка? Мне нравится музыка.

– Поздравляю, – Максим отхлебнул мартини.

– Поможешь мне к ним попасть?

Макс поперхнулся.

– С какой стати?

– Лиза сегодня спросила про запрещенные поступки. Я не

сказал, но я много раз выдавал себя за другого. За журналиста.

– Да ладно.

– Честное слово.

– И... ну хорошо, и что с того?

– Теперь мне нужно им стать. Иначе получится, что я врал.

– И думаешь, тебя так запросто возьмут?

– Ну... это же Москва.

В просвете между облаков мерцал реактивный самолет. Дима подобрал кусок проволоки и принялся выколачивать пыль из своей кроссовки.

Максим встал и прошагал к бортику. Выглянул наружу и отшатнулся.

М-да. А ведь однажды придется прыгнуть.

– Зачем? – спросил Дима, и Макс понял, что сказал это вслух, и вдруг потерялся в одном из пьяных измерений, где уличные огни можно было читать как слова, где всё надувалось и опадало: то кисти рук росли, а голова становилась крошечной, то наоборот...

– Эй, осторожнее, – крикнул Дима, выпрыгнув из шезлонга.

Он ухватил Максима за ворот пиджака и дернул прочь от борта. Макс повалился на бок, мысленно отметив, что успел изрядно напиться.

– Уф, – он позволил отвести себя к шезлонгу, с размаху

сел и закурил, хотя удержать сигарету было непросто.

– В расчете за люстру? – Дима осторожно улыбнулся.

– Б-блядь, ну я исполнил. Можно бутылку? – попросил Максим. Он решил не утруждаться и хлебнул прямо из нее.

– Вот так, – сообщил он пьяно. – Именно так я умру когда-нибудь.

И почти угадал.

5 сентября 2005 года

– Ну что, Поттер? Как поживает ваш гость? Разобрались?

– Я вам так отвечу. Перед нами мошенник. Другой человек, и паспорт не его. И никакой мистики.

– Да что вы говорите!

– Я клянусь вам. Его бы назад, в отделение...

– Так наберите милицию, пускай забирают.

– Я бы с радостью, но какой у них номер?

– Ноль-два, Поттер. Ноль-два.

24 июля 2005 года

Всё меняется. Странности производят странности, и теперь всё развивается само по себе.

До сих пор я был уверен, что экстренные номера действуют безотказно.

Как наивен я был. И как незащищен.

Мы с Эврикой летели вперед, пойманные между двух параллелей: слева вечерняя трасса, а справа чугунным колесом вертелась бесконечная ограда.

Десять гудков спустя в трубке раздался треск. Автоответчик сыграл «К Элизе» и буднично попросил дожидаться оператора.

Над фонарями разгорался вечер. Каждый пятый штык заводской ограды венчала острая маленькая звезда.

– Скорее, – торопила меня Эвридика. – Ну пожалуйста, скорее.

В трубке снова раздался щелчок. Трель и хрип. И женский голос.

– К СОЖАЛЕНИЮ, – девушка в записи отчаянно пыталась изобразить сожаление. – На данный момент НИ ОДИН оператор НЕ МОЖЕТ принять ваш вызов.

Хрп! Нас отстрелили, и мобильник утих.

Я набрал их номер пять раз. И пять раз услышал это сообщение.

– Скорее же! – позвала Эвридика, успевшая отбежать далеко вперед.

Выходило совсем не смешно. За нами гналась шайка ма-
ньяков, и если мы попадемся, мне сожгут лицо дезодоран-
том, а как поступят с Эврикой – об этом вовсе тошно было
думать. И вот, я снова набираю «02» и слышу...

– Милиция, – отозвалась девушка, на этот раз живая. У
нее был голос человека, который только что отсмеялся и хо-
чет вернуться к разговору, прерванному звонком.

– Добрый вечер, – прохрипел я в ответ, и постарался ко-
ротко объяснить, что меня и одну девушку преследует груп-

па ребят, которые *используют предметы*.

— Где вы находитесь... — она зажала микрофон ладонью и что-то крикнула в сторону.

— Здесь дорога, — сказал я. — И лес. И ограда... завод, наверное.

— Где вы находитесь? — повторила она чуть раздраженно.

— Да не знаю же! Вышли из метро... конечная станция.

— «Серп и молот»?

— Такая, подземная гробница...

— Краснооктябрьский. Звоните в райотдел.

Она продиктовала номер и повесила трубку.

«Подождите», — хотел сказать я, но было уже поздно.

— Быстрее, быстрее же! — звала Эвридика. Ее цветастое платье мелькало далеко впереди.

— Стой! Дождись меня...

Прыгая между асфальтовых кочек, я подбежал к Эврике и выдавил несколько свистящих бессмысленных звуков, прежде чем смог заговорить.

— Бесполезно. Она не кончается.

— Кто?

— Ограда, — я обернулся и на шоссе увидел их.

Фары скутеров поднимались из-за горизонта чередой злых полумесяцев. Они дрожали в колеблющемся полумраке. Зуд моторов теперь был отчетливо слышен.

Мотороллеры шли неровным строем, один за другим. Пять... Семь... Целая армия.

Я обернулся к испуганной Эвридике, и она собиралась заговорить, но что-то отвлекло ее.

Между скутерами неспешно катился призрак.

Я сразу узнал автомобиль, даже не видя правительственный номер, состоявший из одних нолей. Только один человек в городе водит «Феррари». Тем более с такой раскраской.

Темные стекла, матовые диски и черный корпус: машина терялась на вечернем асфальте. Видна была только сетка из параллелей и меридианов, фосфорно сиявшая на бортах и капоте. К нам приближался не автомобиль, а его трехмерный каркас.

– Ты знаешь эту машину? – спросил я Эвридику.

Она покачала головой, сглотнула и попятилась.

Странно, что парень Эврики не покатал ее на своем «Феррари». Потому что за рулем сидел он – сумасшедший Фернандес. Сын губернатора. Глава психоделов. Мой старый друг.

– Стой ты, – я поймал Эвридику за тонкое плечо. Она рванулась прочь так сильно, что едва не порвала бретельку.

– Нет, пусти, отстань! – Эврика билась у меня в объятиях, пока я безуспешно пытался развернуть ее к себе. – Отс-тань!

Когда удалось заглянуть в ее глаза, я увидел, как Эвридика напугана. Моторы гудели уже совсем близко.

– Не туда! – заорал я в лицо Эврике. – Куда ты? Не туда!

Едва она перестала сопротивляться, я отпустил ее и побежал на трассу.

Проскочил разделительную полосу и – *пых-ф!* – опять провалился на дно.

Мир вокруг загустел. Рисунок асфальта, колесо ограды, кривая лесной кромки, созвездие лиловых фар, – всё распалось на простую алгебру. Если считать землю плоскостью, то ограда задавала ее границу. Стая воробьев, метавшихся в небе, образовывала тесный каркас. Черные точки птиц можно было соединить линиями. Трепетавшие фары образовывали на асфальте их перевернутый оттиск. Я подумал, что небо действует как зеркало, и засмеялся бы, если бы мог дышать.

Тонкие нити связывали действительность в единый механизм. Бесплотные огни смотрели мне в лицо, но я лишился чувства длин и направлений. Фары были повсюду, они кружили вокруг меня, сгущая вечер.

«Отсюда следует будущее», – подумал я. *Сейчас меня кто-то дернет за руку. Крикнет: эй! Эй!*

И я понял, что это уже произошло. Что Эврика стоит рядом и теребит меня. Я вернулся.

Резиновое дыхание мотороллеров поймало нас у самой опушки. Мы проломили частокол из высохших сорняков и прыгнули в сосновую гущу, сдобренную осиновым ароматом.

Сочные побеги одинаково цепко липли к одежде и коже. Но психоделы остались позади – хотя бы ненадолго. Мы с Эврикой запутались в клубке из хлещущих ветвей, душной

зелени и паутины, но всё равно продирались напролом, едва разбирая дорогу, поочередно оказываясь то впереди, то сзади, задирая ноги и больно спотыкаясь. Я бежал с полузакрытыми глазами, и в сумраке мне порой казалось, что я лечу в прошлое, и любая сосна на пути означает конец.

Невидимое бревно крепко задело меня под голень, и я действительно взлетел. Подо мной был ковер из точеных листьев, и я вскинул руки, ожидая удара о землю, но листья охотно расступились, предъявив длинные стебли и гнилушную пустоту.

«А где земля», – подумал я и сразу встретил ее, шлепнувшись на дно оврага, на мягкую хвою и охапку сухих веток.

И где...

Что-то живое рухнуло на меня и угодило твердыми углами сразу в пару болевых точек.

...Эвридика? Она бежала позади? Она видела, как я упал?

Потрясение исчезло, и я понял, что ответ уже нашелся. Твердые коленки Эврики впились мне под ребра, а под ее подбородком отчаянно ныла шея.

– Они ушли, – громко простонала она мне в ухо. – Они уш...

– Тихо!

В двух метрах от нас пронесся мотороллер, брызнув хвоей из-под колес. Слева раздался стрекозиный шум – оттуда приближался еще один скутер. Психоделы не спешили. Они играли с нами. Мотороллеры, укрытые от нас изнанкой за-

рослей, неторопливо катились мимо или резко выныривали из леса. Один развернулся у самой кромки оврага, насыпав земли мне за шиворот и заставив нас с Эвридикой вздрогнуть в унисон.

Не знаю, сколько времени продолжалась игра, но сзади хрустнул шаг. Потом еще один.

– Оу... – негромко отметили там, за спиной, и я понял, что мы проиграли.

Это был Фернандес. Сейчас Эврика узнает голос и выдаст нас. Теперь мне казалось, что на загровке у меня лежит бомба, детонатор которой...

Он присел и, видимо, подобрал какую-то вещь.

– Оу-у... – повторил он весело. Мне представилось, как взгляд Фернандеса темным лучом сканирует овраг. Что будет, когда он заметит нас? Долго ли вытерпит Эвридика?

Кто-то остановился впереди. Скутеры прибывали слева и справа, останавливаясь поодаль. Психodelы обступили нас кольцом.

В унисон моей панике заквакал пси-транс. Неужели они пытаются людей под музыку?

Это был просто мобильник. Я приподнял голову и с удивлением разглядел между длинных стеблей ногу. Обычную женскую ногу, в серебристой босоножке на каблуке. С блестящими ногтями. В самом деле, кто сказал, что психodelом не может быть девушка?

Она выключила звонок и легко перемахнула через листья,

едва не задев нас. Я понял, что она подошла к Фернандесу.

– Траблы, – сказала девушка беззаботно. У нее был приятный мягкий голос.

Фернандес, как мне слышалось, лениво выматерился сквозь зубы. Что-то стукнуло в землю прямо у моей головы. Уродливая туфля Эврики.

Это послужило знаком всем остальным, потому что следом затрещали моторы, скутеры вильнули, обходя наш овраг, и через минуту вокруг не осталось ни единого психодела.

Для верности прождав еще минут десять, я осторожно вывернулся из-под Эвридики, не переставая удивляться ее огромной выдержке, и обнаружил, что девчонка крепко спит.

– Чего-то задремала, – сказала она двумя часами позже, когда мы разжигали костер из сосновых веток, шишек, и договоров, вынутых из ее сумочки.

Эврика была не просто глупенькой. Ее солнечная глупость работала как предохранитель от любых бед. Я лежал, опасаясь за наши жизни, а Эвридика сопела и видела сны.

– Знаешь, мне снилось, что за нами гнался мой парень, – сказала она и засмеялась.

– М-да, – согласился я.

Приснится же.

– Откуда у тебя зажигалка, если ты не куришь? – спросила Эврика, глядя, как я выгибаюсь и изворачиваюсь, стараясь разжечь костер и не зажарить пальцы.

Зажигалка нужна, чтобы могли прикурить другие.

Кроме лягушачьей трескотни с озера, в лесу не раздавалось ни единого звука.

– Где же все? – Эвридика настороженно глянула вокруг.

Кто – все?

– Отдыхающие.

– Наверное, в отпуске. Мертвый сезон.

А может, за этим лесом просто закрепилась дурная слава. Может быть, здесь часто стали попадаться самоубийцы и жертвы несчастных случаев. Кого-то выловили из озера. Кто-то повесился на сосне. А кто-то – надо же – упал с обрыва, горлом надевшись на твердый сук.

Хорошо, что Эврика никогда этого не узнает.

Она заснула у костра, пристроив голову мне на колени. Я сидел неподвижно около часа, борясь с вожделением и тяжелой усталостью. Потом осторожно снял рубашку, завернул в нее Эвридику и оставил ее спать на мягкой хвое.

По брачному реву лягушек я нашел озеро. Вдоль дальнего берега шевелились городские огни. Присев у самых камышей, я опустил руку в неподвижное теплое зеркало.

Если бы добро вознаграждалось, я смог бы ходить по воде. Жаль, что только мошенники умеют кормить толпу одной рыбиной и превращать воду в вино. И делают это снова и снова.

В моем кармане зажужжал телефон. Потертый «Сименс», вдавленные кнопки, глубокая царапина поперек экрана.

– Аллё, это звонят из милиции, – сказала трубка.

Милиция, надо же. Уже забыл, что она существует.

– Вы звонили по ноль-два, – сообщила трубка. – У вас там порядок?

– Э... да, – сказал я.

– Все хорошо?

– Да, все нормально.

– Ну и отлично. Извините. До свидания, – трубка щелкнула и смолкла.

Я отключил мобильник, вернув его в карман. После янтарного экрана глаза отказывались видеть. Нашупав дорогу к Эврике, я устроился между бревен и тут же уснул.

5 сентября 2005 года

– Косой, ты проверял документы? Это он или не он?

– Мне откуда знать. Тощая лысая морда. Думаешь, я их различаю?

– Четко ясно одно: это нарк или шизик. По-любому его место в дурдоме.

– Я говорил. Всё равно впарили назад. И нервы вымотали. Какие-то законы приплели еще.

– Ты говорил, что показания мы проверили и трупов не нашли?

– Ну да. И в Рейве я был, там тоже всё как обычно.

– Значит, так. Веди его назад. А я погуглю, посмотрю законы.

Глава 3. Новые имена

21 апреля 2003 года

– Здравствуйте, – сказал Дима.

– Кто нужен? – спросила охранница, изучая его остро-синими глазами.

– Мне бы главного редактора, – он смутился и уставился в журнал посещений, лежавший на столике возле черного телефона. Охранница недовольно закрыла тетрадь и отодвинула ее подальше.

– Главный редактор не у себя.

– Тогда просто редактора.

Видимо, сочтя его неопасным (Дима был вдвое уже ее в плечах), охранница сняла трубку и нажала пару кнопок на аппарате.

– Девочки, – сказала она. – К вам тут какие-то гости. Один. Да. Вы по работе?

Она вопросительно уставилась на Диму, он спохватился и ответил:

– Угу.

Охранница передала его ответ в трубку и вернула ее на рычаг.

– Ждите, – сказала она.

Дима кивнул и побрел в сторону. Нескладно выходит.

Максим бы завел разговор совсем по-другому.

«Хотя бы извинюсь», – решил он и развернулся.

И едва не опрокинул крошечную девушку, стоявшую прямо за его спиной.

– Ох. Ой! Кто вы? Я не хотел... – он поймал ее за плечо.

Девушка коснулась пальцем носа, вправив на место съехавшие очки в толстой черной оправе.

– Это ты звонил по работе?

– Нет, звонил Макс...

– Короче так, идем со мной.

Она кивнула охраннице. Дима, близоруко шурясь, нацарапал в журнале роспись, а потом, увлекаемый стремительной девушкой в очках, прошел за тяжелую дверь.

У него закружилась голова от путаных коридорчиков, оклеенных листовками, плакатами и распечатками.

– Здесь основная верстка... Здесь у нас реклама... Это стол координатора, отсюда налево, – девушка летела впереди, комментируя повороты и стремительно жестикулируя.

Дима бежал следом, отчаянно стараясь не потерять из виду ее красный свитер. В редакции оказалось много людей, и многие были одеты во что-то красное. Они сидели, с головой уйдя в дисплей, шуршали пакетами, хрустели сухариками, щелкали электрическим чайником. Все занимались делом, и все сплошь были женщинами.

Круто свернув за перегородку в дальнем углу редакции, девушка остановилась и усадила Диму на стул, а сама забра-

лась перед ним на столешницу, поставив локоть на выключенный монитор.

– Так, привет, я Ксюша, – сказала она. – Тебя как зовут?
– Дима.

Ксюша наклонила голову и подперла щеку языком.

– Дима... – сказала она. – Как-то это, как-то... пускай будет Митяй! Оки? Давай тебя отныне будут звать Митяй, хорошо?

– Ладно, – Дима растерялся. Сломанная кукла, подумал он. Что-то в этой девушке было от сломанной говорящей куклы.

– Отлично. Тогда слушай, вот...

Ксюша изогнулась и вытащила откуда-то из-под себя журнал, оказавшийся последним номером «Ритм-н-блюза».

– Вот основы, – сказала она, раскрывая журнал на середине.

Ксюша наклонилась к его плечу и начала торопливо объяснять что-то про колонки, полосы и кегли, про врезки, подвалы и килобайты.

Дима не слушал ее, потому что разглядел под Ксюшиным ухом темно-фиолетовое родимое пятно, хорошо заметное, страшное и безволосое. Пятно обвивало бледную шею девушки и ныряло под ворот. Дима отвел глаза прочь и уставился на руку Ксюши, пальцами которой она водила по странице. И с ужасом заметил, что край родимого пятна виднелся из-под манжеты, обрываясь у запястья.

«Вот почему она запросто сразу, как подруга», – решил Дима. Он жалел эту маленькую девушку, но оторвать глаз от двух фиолетовых клякс не мог всё равно. Хуже того, Ксюша говорила, а он начал думать, не *одно* ли это пятно, от шеи до запястья. И сколько процентов кожи оно занимает под кофтой. И потемнеет ли оно, если Ксюша рассердится. И...

– У тебя есть какой-то опыт?

Вопрос прозвучал неожиданно, и Дима начисто забыл наставления Макса.

– Опыт... – замялся он. – В общем, нет.

– Никакого?

– Да.

– Так, – Ксюша спрыгнула на пол. Она нажала кнопку, и экран затрещал, неторопливо разгораясь. – Значит, так. Я пошла работать, а ты сиди здесь и что-нибудь напиши, оки? Что угодно, мне нужно видеть, как тебя использовать.

Дима открыл рот, но она уже исчезла за перегородкой, оставив его наедине с монитором и уродливым жирафом на присоске.

Главным редактором тоже оказалась женщина. Она умела ходить мужской походкой даже на каблуках, носила очки-хамелеоны и хранила за ухом сигарету.

– Но Елена Михайловна...

– Нет. Нет. Нет!

Она категорически не хотела видеть Диму сотрудником журнала.

– Что мне с ним делать? Ответь мне, Ксения. Что мне. С ним. Делать?

Краснеющий Дима испуганно шарил мышью, пытаясь закрыть окно редактора, в котором за два часа набрал две строчки. Он не работал за компьютером пять лет и печатал одним пальцем.

«Воздух при больших объемах непрозрачен».

«Он густой, молочно-голубого цвета, что особенно хорошо заметно в предгорье Альп».

– Лена, я тебя умоляю, это же не в штат, – говорила Ксюша. – Ты же знаешь, какой у меня завал. Мы же обсуждали, что мне нужен человек.

– А учить его кто будет? Ты? Или кто?

– Лена, я не могу! Полосы горят... Я же не виновата, что девки из «Сказок» отменили прессуху.

– Вот и объясни ему, – главред указала на Диму крючковатым ногтем. – Спасай материал, а я, пожалуй, ушла курить.

Она развернулась и вышла. Ксюша виновато махнула рукой.

– Тебе придется меня извинить, – сказала она. – Я бес- сильна. Сейчас такой неподходящий момент...

– А что случилось?

Ксюша наморщила лоб, потерла его ладонью и снова усе- лась на стол.

– Ничего особенного, рутина, – сказала она. – В номер за- явлено интервью со «Сказками», две трети полосы, и теперь

его не будет. Видишь, Михайловна в каких чувствах.

Ксюша сидела, глядя в сторону и покачивая ногами. Если бы не родимое пятно, отметил Дима, вообще она была очень симпатичной. Будто в ответ его мысли, Ксюша потянулась и одернула манжету на левом запястье.

– А если я пойду и возьму тебе интервью? – предложил Дима.

– Вот ненормальный! Разве так делается? – она засмеялась. – Это в кино разве что.

– Но тогда ваш редактор взяла бы меня на работу?

– Не пойму, ты серьезно все это, что ли, – Ксюша махнула рукой и прыгнула на пол. – Скажем так: если бы – если бы – кто-то принес нам до вечера эксклюзивчик на место заявленного интервью, то с Леной можно было бы говорить. Но...

Дима выбрался из передвижного кресла.

– Ты знаешь, где они?

– «Империаль», номер 609... Ты что, вот так собрался туда? Там же охрана!

– Угу. Что спросить?

Ксюша привстала на цыпочки и внимательно заглянула ему в глаза.

– Однозначно бред, – она покачала головой.

– Так что?

– Ну, мечты, творческие планы. Черт, не знаю даже. Про наркотики можно. Сексуальные предпочтения...

– Я запишу себе.

– Там у входа коробка с диктофонами, возьми один.

21 апреля 2003 года

Вначале Максу абсолютно не понравились москвички – худые, вертлявые, остроносые, с грацией складного метра. Да, он видел из окна автобуса несколько приятных исключений, но только издалека. Вблизи они смотрелись на пять из десяти, а вели себя и вовсе на два.

И главное – это отточенное умение, думал Макс, это неуловимое поле, дающее понять, что ты перед ними второй сорт.

Едва он поздоровался с девочкой из отдела кадров, она поднялась и протянула ему руку – прямо через стол.

Максим заколебался. Он готов был обмениваться улыбками, терпеть изучающий взгляд, даже выдержать холодный прием, – но только не пожать женщине руку.

Он неловко протянул ей ладонь, которая моментально взмокла, а рука девушки была сухой и твердой, и получилось не рукопожатие, а безобразие и позор.

– Я вся внимание, – и девочка вернулась к бумагам на столе. Ее тон не изменился, но Макс понял, что главный экзамен им уже провален. Хорошо еще, что теперь она смотрела в бланки, а не ему в глаза.

– Меня интересует вакансия, – проямлил Максим, ужаснувшись своему голосу. Он сухо кашлянул и заговорил тверже. – Меня интересует вакансия...

Девушка вытянула руку и повертела кистью, указывая ку-

да-то в сторону двери. *Пока-пока*, – расшифровал Макс. *Намекает, что я им не угоден.*

Все это было в корне неправильно. Что такого, если у человека нет привычки здороваться с кем-то за руку? При чем здесь деловые отношения?

– Садитесь, чего стоите, – девушка повторила жест, и Максим запоздало понял, что он направлен в адрес офисного кресла с оторванной спинкой, жавшегося к стене.

Скрывая облегчение, Максим уселся напротив девушки. Та лишь повторно кивнула.

Он заговорил, ощущая растущую уверенность, которую всегда чувствовал в общении с женским полом. Макс выложил на стол диплом юриста – точнее, ксерокопию, – и рассказал, как увлекся веб-дизайном и организовал свою личную студию (здесь на стол легла копия выписки из реестра), и перешел к разговору о самореализации, которая возможна только в Москве и только в шоу-бизнесе.

– Уверен, вам пригодится юрист моего уровня, – сказал Максим, ни капли не сомневаясь, что так оно и есть. – Меня интересует хорошая вакансия, поближе к звездам.

– Вы никогда не сотрудничали с крупными фирмами, – внезапно сообщила девушка.

– Как вам сказать, – умело ответил Макс. – Мне приходилось работать с «Майкрософт», и я знаю, что...

– Тогда вы понимаете, что наша компания не станет брать юристов с улицы. Как, в общем, и любая уважающая себя

компания.

– Почему с улицы, – возразил Максим. – У меня высшее юридическое образование.

– При чем здесь образование, – сказала девушка, впервые подняв на Макса глаза. – Важен багаж. Нас интересует ваш багаж.

– Какой на хер *багаж*? – едва не спросил запутавшийся Максим. – Разве у вас нет для меня вакансий?

– Что вы, конечно, есть. Рискнете попробовать себя продюсером?

– Продюсером... – огромным усилием Макс удержался от немедленного согласия. – А нет ли других вариантов?

Девушка потянулась через стол и подтянула к себе файл с его реквизитами. Она глянула в экран, выдвинула из-под столешницы клавиатуру и коротко протрещала клавишами.

– Конечно, – сказала она. – Полно.

– Тогда почему именно?

– Поближе к звездам.

Она быстро ввела что-то с клавиатуры. У ее локтя щелкнул и загудел принтер.

– Предупрежу заранее, – сказала девушка. – Это ад. Максим открыл рот.

– Нет, – она подняла руку. – Это интересно, и ставка хорошая, но выдерживают немногие. Попробуйте себя, два месяца удержитесь – тогда это ваше.

В лоток принтера один за другим выползли четыре лист-

ка.

– Ну что? Рискнете? – девушка подхватила тонкую стопку и протянула ее Максу вместе с авторучкой. Он пробежал листы глазами. Обычный договор подряда – в двух экземплярах.

«Какого черта», – подумал Максим, постучав бумагами о стол. Отказаться можно всегда, а попробовать стоило. Он размашисто подписал договоры и подвинул их к девушке.

Она склонилась над листами и начала быстро заполнять их.

– Кстати, – она сдула длинную прядь со лба. – Если собираетесь использовать положение, чтобы соблазнить какую-то знаменитость и продвинуться в шоу-бизнесе, предупрежу, что этого не удастся.

– Я не... – Макс покраснел. – Но почему?

– Сейчас не девьяностые. В наше время секс ничего не решает.

– А что решает?

– Деньги, – сказала девушка. Она сдула прядь со лба и хрустнула печатью, упершись в нее двумя руками.

21 апреля 2003 года

Мохнатый ковер впитывал шаги без звука, и Дима подошел к охраннику незамеченным.

Это был округлый пожилой тип, до шеи застегнутый в камуфляжную форму. Он сидел у двери шестьсот девятого, разминая складной рыболовный стул широкими ягодицами.

На просторном животе охранника лежала цветная газета.

Охранник заметил Диму.

И заверещал тонким, почти мультипликационным голо-
сом:

– Пошел вон! – и вскочил, опрокинув стул. Поскользнувшись на упавшей газете, охранник кинулся прочь и скрылся за бархатным поворотом.

Слегка растерявшись, Дима постучал в дверь.

Она приоткрылась, и в щели показалась девушка с рыжими волосами, частично завитыми, а частично торчавшими куда придется. Она выскользнула наружу, ступив на ковер босиком. На ней были только спортивные шорты и кружевной белый лифчик.

– Вот тебе и телохранитель, бя, – она сонно глянула вслед охраннику.

– Здравствуйте, – сказал Дима. – Я из журнала. Как его. «Ритмы-блюз».

Девушка потянулась и схватила его за узел галстука. У нее были некрасивые пальцы – тонкие, плоские, с длинными ногтями.

Комнату целиком заполнял теплый полумрак той глубины, при которой видны цвета, но стираются оттенки. На потолке ее плескались голубые блики – посередине комнаты в полу скрывался бассейн-джакузи. В его подсвеченной воде носились друг за другом невзрачные серые рыбки.

Девушка ступила прямо на бассейн, который оказался

запечатанным прозрачной крышкой с большой наклейкой: «НЕ КУПАТЬСЯ! Рыб не кормить».

– Глянь, Юль, чё я привела, – сказала рыжая, усевшись по-турецки над лазурной водой и ухватив себя за большие пальцы ног.

Из полумрака выплыла еще одна девочка, очень худая, с ненатурально русыми волосами и бледной помадой. На этой не было лифчика. Она с грустью посмотрела на костюм Дима и ушла к большому зеркалу, которое матово светилось на дальней стене. Дима вывел сложный пируэт глазами, чтобы разминуться взглядом с черными точками ее сосков.

«Странно здесь», – подумал Дима. *Как внутри летающей тарелки.*

– Забей, она просто устала, – сказала рыжая. Мелкие серые рыбешки собрались у ее зада, шевеля слюдяными плавниками.

– Это пираньи, – девушка шлепнула по крышке ладонью, и рыбки бросились врассыпную.

Нужно было что-то делать. Дима отчаянно старался придумать, о чем бы спросил на его месте настоящий, опытный репортер?

Он выровнял узел галстука по кадыку и сказал:

– Юля...

– Аня, – поправила рыжая и ткнула крючковатым белым ногтем в полуголую девушку возле зеркала. – *Она* Юля.

– Аня, я должен спросить у вас... – Дима наклонил голову

и поскреб в затылке. — Как вы относитесь к наркотикам?

Аня сделала большие глаза и качнулась туда-сюда, обхватив руками колени.

— А ты нарядный, — сказала она.

— Спасибо. Вы... ты сама ничего.

Его слова вызвали в девушках бурю эмоций. Русая Юля приползла к Ане и грохнулась ей на колени, распластавшись над стайкой обезумевших пираний. Вода под крышкой почти кипела, а девушки хохотали и хохотали, поминутно толкаясь и падая.

— Относитесь к наркотикам, — всхлипнула Аня, чуть отдышавшись. — Не знаю... я бы сейчас максимум покурила.

— Я б тоже дунула, — согласилась Юля.

— Так чё, по веселенькому?

— Давай хэш, меня с веселого рамсит, — белокурая Юля оглянулась на Диму. — Как тебя, слушай, пойдёшь дерни Зиновьева, пускай сходит достанет хэша.

— Конопли?

— Да какой на хер конопли! Гашиша! Знаешь такое слово в русском языке?

— Охранник убежал, — напомнил Дима.

— Вот бля дурак, — сказала Юля. — Только видит кого-то в костюме, так сразу.

— Он под судом, — объяснила Аня. — Ударил жену молотком для тефтель каких-то. Прямо в кинотеатре. Пять раз.

Она поднялась и вышла. Лишившись опоры, полуголая

Юля опять повалилась на крышку бассейна. Ее грудь торчала кверху, мешая Диме сосредоточиться.

– Ты так всегда ходишь? – осторожно спросил он.

– А ты? – Юля приподняла голову и сразу уронила ее с тяжелым стуком. – Пиджак этот еще. Седло на корове.

– Я нет, – признался Дима. – Это пиджак Макса. И галстук тоже.

– Твой любовник, что ли?

– Нет, нет, – Дима хихикнул. – Долго объяснять.

– Да мне и насрать, – отозвалась Юля слегка теплее.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Аня.

– Обслуживание в номер! – она швырнула в Юлю крошечный смоляной брикет.

Девушки курили гашиш через толстую стеклянную трубку. Еловое марево заполнило комнату, оно пробиралось Диме в легкие и оседало в горле вяжущим липким теплом. Дима заговорил, сам удивляясь. Он рассказал им про Синицу, про Макса, про Лизу, про Ксюшу и это нужное ей интервью. Аня с Юлей только кашляли и смеялись, изумленно глядя друг на друга.

Потом Аня протянула руку.

– Давай сюда диктофон, счас поотвечаем.

– Ну да, а Корнеев...

– Это наш продюсер, понял.

– Он нам потом бошки снимет.

– Да пошел он... говнорыл.

– Говнорылоговн.

– Ха-ха-ха-ха!

– Тихо! Я включаю микрофон, – сказала Аня и громко фыркнула.

– Ну ладно, значит, вопросы, – Дима вытащил из кармана мятый список и поднес его к носу. – Ваши сексуальные предпочтения?

– О-О-О! – взревели девушки хором.

– Дай, я отвечу! – сказала Юля.

– Нет, ты не хотела, я первая.

– Давай быстрее, харе му-му дпрочить.

– Короче, мои сексуальные предпочтения, – сказала Аня, сжимая диктофон как рацию.

– Ну, ну!

– Баранки гну! Короче, я предпочитаю, типа, раком. И типа в жо.....

– Дура, нельзя говорить «жопа».

– Заткнись, Юлька.

– Это же интервью!

– Ну, тогда сама давай говори, – Аня сунула диктофон подруге.

– Я, – сказала Юля и расхохоталась.

– Познавательно, да.

– Я люблю... эти самые, резиновые члены... и золотой душ... и... и... мастурбировать с помощью ХОМЯКА-а-а!..

– А-а-а-а!.. – разрыдалась Аня, колотя ладонями по крыш-

ке бассейна.

– Дальше вопрос! – подал голос Дима. – Дальше вопрос. Ну, здесь как раз про наркотики.

– Фу, это не в теме, – сказала Юля и нахмурилась.

– Об этом всегда спрашивают.

– Три-четыре!

– Когда выходишь на сцену и чувствуешь зал!

– Наркотики тебе просто не нужны!

– Всё, что мы делаем, само приносит достаточно кайфа!

– Музыка – лучший наркотик!

Они замолчали. Еловый аромат гашиша медленно таял в потоках теплого озонированного ветра.

– Кондишку накрутить бы, – Аня зевнула.

– Расскажите про ваши творческие планы, – сказал Дима, увлекшийся ролью журналиста.

Девушки не ответили. Когда Дима открыл рот, чтобы повторить вопрос, Юля отозвалась, не поднимая диктофон ко рту:

– Да что рассказывать... на сайте всё есть. Харят меня ваши творческие планы.

Аня встала и ушла за пультом. Дима спросил:

– А какие у вас мечты?

Кондиционер пискнул, заворочался, и в комнате повеяло сухим холодком.

Юля презрительно чихнула.

– Мечты... я вообще не помню, что это.

– А я мечтаю сдохнуть, – сообщила Аня, защелкивая пульт.

– Так, – Юлия по-змеиному гибко поднялась. – Кончатся пора этот фестиваль.

Взвесив диктофон на ладони, она швырнула его через комнату. Серебристая коробочка ярко сверкнула в полете, треснулась о стену и рассыпалась на мелкие куски.

21 апреля 2003 года

За глыбой дымчатого стекла в ряд сидели трое: хмурая девушка с черной прямой челкой, длинный тип в костюме и скучающий молодой человек в очках, со впалыми щеками и выбеленной бородкой.

«Неприятное сборище», – подумала Лиза, ерзая на высоком табурете. И сразу одернула себя – об интервьюере нужно думать хорошо. При тренингах учили, что на собеседовании лучше сидеть прямо, но расслабленно, и чтобы носки туфель смотрели куда угодно, только не в сторону выхода. Руки следовало держать на виду, но подальше от лица. Взгляд должен описывать малый или большой треугольник – глаза плюс рот или узел галстука. Узел – при более формальном общении.

Но главное вести себя естественно и уверенно, что бывает очень трудно, когда пытаешься упомянуть все эти мелочи.

– Приветствую, меня зовут Аркадий Члеянец, – представилось центральное лицо триптиха, худое, с косичкой. – Я помощник исполнительного директора студии «Мега-44», в которой вы и находитесь. Слева от меня – наша звезда, Ан-

желика Лето...

– Нельзя урезать начало? – кисло спросила «звезда», де-вушка с вороной челкой, похожая на школьницу из японского мультфильма.

– Э-э... – помощник директора глянул по сторонам и вернулся к разговору. – Ладно, если никто не против, давайте начнем собственно кастинг.

Позади него вспыхнул синий прямоугольник, оказавшийся большим плазменным экраном, на котором через секунду возникло крупным планом огромное, смутно знакомое лицо.

«Боже, это я», – ужаснулась Лиза. «Почему никто мне не говорил, что у меня такой *нос?*» И Макс, тоже хорош. *Не мог с утра заметить, как я безобразно накрасилась.*

– Прошу, смотрите не на монитор, а в камеру, – сказал помощник, указывая рукой.

Лиза проследила жест и увидела, что к ней беззвучно ползет массивная камера на штативе, за которой прячется оператор. Лиза уставилась прямо в стеклянный зрачок, и это было куда легче, чем наблюдать себя на большом экране. Она машинально поправила волосы и сразу же убрала руку.

– Не волнуйтесь, – посоветовал длинный. – Все нормально.

Он придвинул к себе анкету, которую Лиза заполнила в ожидании прослушивания.

– Как я понимаю, у вас уже есть опыт работы на региональном телевидении, так что...

– Но мне трудно сидеть так высоко, – не выдержала Лиза. – У этого стула еще и ножки скользят. Не обижайтесь, но я лучше буду стоять.

Она звонко прыгнула на каблуки, проклиная нетерпеливую себя, высокий табурет и всё на свете. Подумав, Лиза оперлась на сиденье локтем. Ножки табурета противно визгнули по гладкому полу, но удержали ее.

– Ну, вот, – сказала Лиза, чувствуя, как в ней помимо воли растет озорство. – Так ведь гораздо лучше.

Помощник директора уныло окинул ее взглядом. Хмурая девочка-аниме глянула на Лизу исподлобья и подтянула к себе ее анкету. Молодой человек с отбеленной бородкой смотрел в дальний угол комнаты, не подавая никаких вербальных и невербальных сигналов.

Помощник хмыкнул, пожал тощим плечом и кивнул оператору. Тот негромко чертыхнулся и поднял жужжание, настраивая заново штатив.

– Итак, учитывая ваш экранный опыт, наше задание не покажется вам удивительным, – сказал помощник директора. – Во-первых, мы проверим ваше чувство времени, а во-вторых – умение работать с камерой. По моему сигналу вы начнете говорить на заданную тему и попытаетесь раскрыть ее, не забыв о вступлении и выводе. Если не знаете, о чем говорить, то говорите что угодно, главное – не молчите. Если не знаете, с чего начать – начните с фразы: «Сегодня, дорогие телезрители, мы с вами поговорим о...», и озвучьте

название темы. Вы готовы? Если хотите задать вопросы или морально...

– Я готова, – сказала Лиза торопливо, пока не ушло чувство безнаказанности.

– Тогда начнем, – сказал помощник директора, стуча по стеклу гладкими ногтями. – Я засеку время и дам знак. А вашей темой будет... будут...

– Будут *члены*, – вдруг подала голос девочка-аниме, поднимая взгляд от анкеты.

Картинка на экране дрогнула. Помощник заметно скривился, и даже безжизненный тип выразил интерес, ярко сверкнув очками.

– Анжела, – сказал помощник директора, аккуратно кашлянув.

– Не называй меня так!

– Извини, Анжелика, с твоего разре...

– Пусть говорит про члены! – отрезала Анжелика. – Членяц, ты знаешь, сколько стоит мое время.

Долговязый помощник надул щеки и повернулся к небритому типу в очках.

– Алекс...

– Так, так, Аркаша, ты меня только в это дело не путай, ладно? – угрожающе ответил тип.

Помощник директора снова тряхнул плечом. Этот жест у него, видно, значил что-то вроде «я бы так не делал».

– Хорошо, – сказал он, глядя на Лизу, которая торопливо

установилась в камеру. – Итак, я засекаю время. Пять минут.

Он махнул рукой.

На камере горела красная лампочка. Лизе послышалось негромкое гудение. «Не молчи!» – закричало что-то внутри нее. – «Только не молчи».

Боже, сколько же секунд уже прошло?

– Итак, дорогие телезрители, – она даже не помнила точные слова вступления. – Сегодня разговор у нас с вами пойдет о... гм... половом члене.

Лиза глянула на людей за столом и едва не испугалась, обнаружив, что они исчезли – теперь весь свет в комнате падал только на нее.

Сколько же времени?..

– Размер полового члена. Этот вопрос, как ни странно, должен больше заботить женщин, – сказала Лиза, изо всех сил пытаясь не торопиться и дышать ровно. – Однако мужчин он волнует куда больше.

Вдруг ей припомнились веселые, но довольно пошлые обсуждения этой темы с подругой. *Может, пересказать?* «Сколько же времени это займет?» – подумала она.

И махнула на все рукой, не в силах больше противиться дикой, неуправляемой щекотке, безумному озорству, которое заставило ее подружиться с Максом вопреки нормам этики, и которое привело ее сюда, в Москву и в телестудию.

– У меня есть подруга, которая вечно *страшно* недовольна, – сказала Лиза, обращаясь к оператору. – Потому что ей

вечно попадают мужчины с большими, а у нее... то есть, ее анатомия...

Лиза говорила и говорила, забыв о секундах. Она старалась пересказать их беседы как можно пристойнее, но для яркости нужно было сообщать камере *такие* интимные вещи, от которых Лиза мысленно краснела, пытаясь не вспоминать, что ее слушает двое мужчин, – даже трое, считая оператора.

– Вот еще один вопрос тысячелетия. Почему у многих парней члены загнуты в сторону? И почему, интересно, у правшей они смотрят влево, а у левшей – вправо? А, мальчишки?

С другой стороны, ей *так* нравилось чувствовать себя неуправляемой. Каким бы провалом ни обернулось это прослушивание, думала Лиза, всё равно будет весело.

– Но лично мне, – сказала она. – Кажется, что главное – это пропорция. Очень смешно, когда видишь у основания тонкий, а на конце толстый, или наоборот.

Лиза не выдержала и расхохоталась прямо в камеру, хлопнув себя по лбу.

«Боже, а вдруг у одного из *них* такой», – подумала она. Скажем, у этого Члеянца... эдакий нелепый *ч... ч... члеянци...*

Она хохотала до слез, не в силах остановиться.

В студии зажегся свет. Экран на стене погас, опять превратившись в черный аквариум. Лиза отдышалась, вытерла слезы и посмотрела на троих за столом.

Долговязый помощник директора (Члеянец!..) выглядел невозмутимым. Не смущен был и молодой человек в очках с бородкой – разве что смотрелся теперь чуть живее. Изменилась только девица – она смотрела на Лизу, довольно ухмыляясь.

– Благодарю вас, Елизавета, – сказал помощник. – Увидимся с вами здесь же, ровно в одиннадцать.

Больше никаких замечаний из-за стола не последовало. Лиза немного помедлила, кивнула на прощание и вышла. Снаружи, в небольшой приемной в кресле ожидала своей очереди еще одна кандидатка. Это была девушка, – или женщина, умело замаскированная под девушку – облаченная в стильное платье, с длинными золотыми серьгами в ушах.

– Ну как? – спросила девушка безразлично.

– Хорошо, – сказала Лиза, немного смущаясь тому, что сама была одета в джинсы и простую блузку. – Попросили зайти в одиннадцать.

– *Всех* просят зайти в одиннадцать, – кивнула девушка.

Не зная, что ответить, Лиза прошла в коридор.

Стараясь не выпускать из виду телевышку, Лиза обогнула какой-то огромный автоцентр, пересекла улицу и приятно удивилась, обнаружив себя у входа в Ботанический сад. Весеннее солнце уже набрало силу, но вокруг были сплошь автостоянки и пустыри. Поэтому Лиза, не раздумывая, прошла под листву огромных деревьев, уселась на скамью и закурила.

«Интересно, скоро ли подойдут знакомиться?» – подумала она. В ее родном городе одинокая девушка могла спокойно посидеть на парковой лавке от силы десять минут, но в Москве, где личное пространство человека было гораздо шире, первый кавалер объявился только через полчаса.

Это оказался обычный парень, разве что с модно растрепанными волосами и серьгой в ухе. Он уселся на дальний конец лавочки и торчал пять минут болванчиком, мало отличаясь от своих коллег из провинции.

Даже как-то разочаровывает, подумала Лиза, хотя мысли ее, целиком занятые недавним «кастингом», были очень далеки от знакомства в парке.

Наконец парень заговорил.

– А вы приезжая?

У него был настолько яркий московский акцент, что в первый миг она не поняла ни слова.

– Ну... да, – сказала Лиза. – Да, приезжая.

– Вот это я понимаю! – обрадовался парень. – Милости просим, хорошего вам пребывания в Москве.

– Спасибо, – Лиза была смущена такой гостеприимностью.

– Наконец вот к нам пожаловала красивая русская девушка, – сказал парень, глядя куда-то в кроны деревьев. – А то понаезжают хачи, азеры всякие, стрём один... Продают нам тут свои помидоры. Дома-то у них помидоры небось и не в ходу, экономика-то слабая, по большому счету.

– Простите, мне нужно идти, – сказала Лиза, торопливо гася сигарету о край урны.

Она выбросила окурок, поднялась и быстро пошла к выходу, оставив растерянного парня сидеть на лавочке.

«Нужно быть осторожнее в новом городе», – напомнила себе Лиза по дороге в студию.

– Ну что же, – сказал долговязый Члеянец, поскучевший вдвое. Рядом с ним сидела та же девочка, еще более недовольная, а небритый тип в очках и вовсе исчез.

– Мы еще раз посмотрели вашу запись, – он зашуршал бумагами. – Итак, четыре тавтологии, две фигуры поправления...

– А что это? – спросила Лиза.

– Когда вы сами себя поправляете.

– Это плохо?

– Плоховато. Далее, слишком часты личные местоимения, – отметил нелепый Члеянец. – И со временем. Конец... не знаю, считать ли это, по большому счету, за конец. Не знаю!

Он поднял руки и качнул головой, изображая капитуляцию перед стопкой бумаги.

– Ладно, хорошо, – Лиза поднялась с табурета. От неприязни к этим людям с их дурацкой студией у нее в горле стоял комок. «Тем более», – подумала Лиза, – «что скоро будет противно и за себя».

«Не смей так думать», – приказала она себе, и тут же ощу-

тила первую волну сладкого запретного самоуничтожения.

– Нет, я сказала, я хочу *ее!* – хмурая девочка внезапно поднялась из-за стеклянной глыбы и топнула ногой.

– Анжелика...

– Я хочу, – повторила Анжелика тоном капризного ребенка. – Я хочу, хочу, **ХОЧУ ЕЕ!**

Она взобралась на стул и вдруг оказалась прямо на столе, развернувшись на каблуках навстречу помощнику директора. Тот укатился назад вместе с креслом. Стальные шпильки взвизгнули по стеклу.

«Некрасиво смотрится на девушках брючный костюм», – подумала Лиза.

– Я сказала, **ХОЧУ!** – острым носком черной туфли Анжелика пнула белоснежные листы в лицо помощнику, который вяло прикрылся манжетами. – Слушай, мне надоели модельные курвы, у которых с ушей прет эта вся эрудиция! И вообще, меня достало сидеть тут каждый день, понятно?

– Лиза, – несчастный помощник нагнул, чтобы глянуть на Лизу откуда-то из-под колена бешеной Анжелики. – Лиза, пока что извините нас, пожалуйста, как только мы придем к окончательному решению, мы сразу наберем вас.

– Хорошо, – Лиза кивнула и чуть растерялась, когда искала выход. Позади нее снова бушевала Анжелика, а бедный помощник мямлил что-то про бюджет и уровень.

21 апреля 2003 года

– Крупная должность, – Максим потер ногти о манжету. –

Предложили сразу. Оставалось только подписать.

– И ты решился? – спросила Лиза.

Они сидели в гостиной, неторопливо прикуривая сигарету от сигареты. Лиза всегда много курила после ванны, а Максу просто нравилось быть рядом. На Лизе был махровый халат, *и какие у нее были ноги! Какие запястья! Какие волосы!*

«Господи», – ужаснулся Максим, – «сколько времени я выдержу с ней в одной квартире, прежде чем изнасилую?»

Но, конечно, он не смог бы – его терзала вовсе не похоть. Жаркий озноб, продиравший Макса, рождался где-то в легких и таял в области желудка, не опускаясь ниже.

Проще говоря, его мучила влюбленность – не желание владеть, а жажда быть обладаемым.

Но *какие* у нее были волосы.

«Этот оттенок», – думал Максим. Как будто пепельно-серые, но против света – скорее русые, а под вечер – даже слегка рыжеватые, как медь.

Лиза снова о чем-то спросила.

– А? – встрепнулся Макс.

– Ты сразу решился? Стать продюсером?

– А... да... конечно. Может, включить свет? – он приподнялся с дивана.

– Не надо, зачем?

– Ладно... а ты что же? – Максим вытащил из пачки новую сигарету и прикурил, оставив первую тлеть на краю пе-

пельницы. – Кстати, завтра прибывают оставшиеся вещи.

– Хорошо. Что я? Не знаю. Сказали, позвонят.

Макс разочарованно махнул рукой. Он встал, аккуратно выбрался из пиджака и взялся за узел галстука.

– Так говорят, когда звонить не собираются, – сказал он, прикусив сигарету.

Но они позвонили раньше, чем Максим докурил, и даже прежде, чем он снял галстук.

Лиза раскрыла трещавший мобильник и сунула его под сырые волосы.

– Да. Да. Спасибо. Хорошо, – она сложила трубку.

Макс ожидал, что она заговорит, но Лиза только покачала головой, недоверчиво мусоля антенну.

– Что? – спросил Максим. – Что слышно?

– Не знаю, стоит ли этому верить, – ответила Лиза. – Звонил этот Члеянец, помощник...

Макс неторопливо повертел сигаретой.

– Сколько дают? Сколько?

– Пятьсот.

– В месяц?

– В день.

– *Что?!*

– Пятьсот долларов за день на съемках, – недовольно повторила она, возвращая телефон на столик.

Ей не понравилось выражение на лице Максима. Он наверняка приписал успех себе от начала (Макс находит те-

лестудию) и до самого конца (Макс уговаривает Лизу перебраться в Москву). Хотя было весьма сомнительно, что он мог бы *сам* высидеть перед камерой ровно пять минут, рассуждая о половых органах.

И хватит пялиться на мои ноги!

Телефон снова зажужжал, осветив полумрак темно-синими сполохами. И снова звонил Члеянец, нелепый помощник директора.

– Лиза, вы знаете, я погорячился, оказывается, – сообщил он радостно. – Представляете, начали сводить бюджет – и ну совсем никак вам не выходит пятьсот условных единиц.

– М-м, – Лиза была расстроена, но едва удивилась. Судя по лицу Макса, он всё понял и расстроился куда больше.

Помощник директора, бормотавший в трубке, предложил Лизе вообразить, какая трудная получается ситуация. Он сказал, что вертел смету так и эдак, но без результата.

– Жаль, – сказала Лиза, яростно отмахиваясь от Максима, который строил нечеловеческие гримасы и старался показать ей, как вести себя в разговоре.

– Триста пятьдесят. Это максимум, что мы можем пообещать, – сказал помощник.

Лиза была приятно удивлена. Она успела мысленно расстаться и с деньгами, и с мечтами о работе – но, видно, поторопилась. Три с половиной сотни в день? Тоже неплохо. Вообще-то, даже с ума сойти, если вспомнить прежнюю зарплату.

– Что он сказал? – потребовал Макс, когда Лиза сложила трубку.

– Немного снизили.

– До какой суммы?

– Триста пятьдесят.

– *Триста пятьдесят!* – Максим сделал большие глаза. – Это же почти вдвое!

– И всё равно неплохо, – возразила Лиза, доставая новую сигарету. – И совсем даже не вдвое.

– Лизка, – сказал Макс. – Извини, но...

Он достал пачку, щелкнул зажигалкой, прикурил Лизе, а потом себе.

– Но ты просто не умеешь говорить с работодателями.

– Всё я умею. И вообще, какое тебе дело, прости.

Максим выдохнул через фильтр.

– Да тебя ведь жаль. Дала бы трубку мне, я бы сам поговорил.

– Ой, перестань, – сказала Лиза. – Нормальные это деньги.

Он сорвался было идти в сторону прихожей, но вернулся и сел на диван. Они курили молча. Лиза смотрела в окно. В домах по ту сторону Ленинградского загорались первые окна.

– Интересно, куда делся наш журналист, – сказал Макс.

Лиза вдруг поняла, что задремала, и сигарета вот-вот упадет на диван. Она вздрогнула и поежилась, торопливо приходя в чувство.

– М... что за... журналист?

– Некто по имени Дмитрий.

– А, – сказала Лиза и коротко зевнула, прикрываясь рукой.

– Я бы сказал, что он задержался в редакции, но, во-первых, вряд ли его туда взяли, а во-вторых, не случилось ли с ним...

Он замолчал. Не стоило рассуждать об этом при Лизке, тем более на Диме были дорогие туфли, которые Максим рассчитывал получить назад.

– Может, он просто идет пешком, – сказала Лиза.

– Что значит «пешком»?

– Он любит гулять. Так мы с ним и начали общаться, мы оба любим побродить.

– Но... до центра сколько? Двадцать километров? Тридцать?

– О, – сказала Лиза, чувствуя легкую гордость. – Для нас это пустяк.

Макс раздраженно откинулся на спинку дивана, едва не осыпав себя пеплом.

Новые туфли. Туфли за две сотни – год назад это были серьезные деньги.

«Всё, никаких, *никаких* больше подарков. И не забыть его долю в аренде жилья».

Ж-ж-ж-ж, – насмешливо отозвался телефон Лизы.

– Давай я отвечу! Дай его мне!

– Подожди ты! – отмахнулась Лиза. – Я даже не знаю, кто звонит.

Она открыла трубку. На экране светился тот же номер, и Лиза, секунду помедлив, отдала телефон Максиму.

– Алло, – сказал Макс, неловко взяв непривычную женскую «раскладушку». – Добрый вечер. Да, я э-э... представляю интересы Елизаветы...

Лиза не сдержалась и фыркнула. Она хотела тихо попросить Макса никогда в жизни не звать ее этим именем, но он уже отвернулся, прикрыв ладонью свободное ухо.

Помощник директора совсем не удивился такой замене. По крайней мере, следующие две минуты проговорил он, а Максим только издавал неопределенные звуки.

– Э... да... стоп! Да, я все понимаю, – прорвался наконец Макс. – Теперь послушайте меня...

Он заговорил, и Лиза даже восхитилась. Максим ловко и плавно выложил перед Члеянцем целый веер соображений, по которым его клиент – опять Елизавета, *сколько можно!* – заслуживает максимального внимания. Макс перечислял факты, которые сам только что выдумал – и они казались такими достоверными, что Лиза едва не загордилась. По его словам она была и опытным психологом (еще бы!), и телеведущей (стаж одна неделя!), и способной актрисой, и, между нами, годилась даже в модельный бизнес (тут Лиза слегка покраснела). Максим приводил какие-то цифры, и они невероятным образом выстраивались в колонки. И запросто го-

ворил о телевидении. Надо было признать – она никогда бы не смогла так хорошо подать себя.

Но едва он сделал торжественную паузу, как в трубке снова забормотали.

– Да, э... но... – и снова Макс ушел в оборону, бессильно слушая помощника директора.

«Битва титанов», – подумала Лиза.

– Э... одну минуту, – Максим повернулся к ней и хотел что-то сказать, но в телефоне не умолкали. – Да! Ну... да, я согласен. Разумеется. Хорошо, спасибо.

И он сложил трубку.

– Ну что? – спросила Лиза.

Макс поворачивал во рту языком.

– Дело обстоит так, – сказал он. – Их можно понять. У них накладки с бюджетом. Новая концепция, новая ведущая, а съемочное время, фактически, то же самое. Но я настоял, чтобы в будущем ты могла рассчитывать на прибавку.

Лиза поправила халат и взяла из пепельницы свой окуроч.

– Ну, – сказала она. – Ничего страшного, я же говорила, триста пятьдесят – тоже неплохо.

– А... Нет, пока речь идет о двух с половиной сотнях.

Она удивленно посмотрела на Максима. Он тут же перешел в атаку.

– Неужели тебе мало? На каких-то тридцать процентов меньше первоначальной суммы.

Вообще-то, на *пятьдесят*, и Лиза решила умолчать об

этом, но потом...

Ей все равно не удалось высказать Максу правду о его способностях вести переговоры. В комнату вошел Дима.

– Привет! А мы спорили и не слышали, как ты пришел, – сказала Лиза.

– Никто здесь не спорил, – возразил Макс. Он увидел осколки, которые Дима выложил на тумбочку. – А это что?

– Диктофон, – ответил Дима, выпутываясь из галстука. – Его нужно склеить.

5 сентября 2005 года

– Харе гонять служебную машину. Вези на метро.

– Он не хочет!

– Как это «не хочет»?

– Говорит, там можно умереть.

– Что за бред? Кто, блин, когда умирал в метро, блин?

24 июля 2005 года

Птица.

Маленькая птица сидела в черной канаве между рельсами. Она вертела головой, топорщила перья и клевала воду из мелкой лужицы.

– Что это за люди? – спросила Эврика.

Люди?

– Которые за тобой гонятся.

Она думала, что психodelы гонятся только за мной.

А я волновался из-за нее. Иначе не полез бы сюда, на глу-

бину в полсотни метров.

Здесь можно умереть.

Мы стояли у края, а сзади топтались вечерние пассажиры. Они прибывали, толкая меня в спину, одна мягкая волна за другой. Мертвые, поддельные люди, запертые в нормальности, занятые несложной рутинной. Они укрывают меня и Эвридику от глаз, но защитить не смогут. Это не маньяки Фернандеса, но они тоже опасны.

Из тоннеля ударил ветер, запахло резиной и электричеством, и на станцию вылетел поезд. Он неся без остановки, но человеческая масса двинулась. Ее привлекали вагоны. Она давила нам в спины, подталкивая меня и Эврику всё ближе к несущейся стали.

– ОТОЙДИТЕ ОТ КРАЯ ПЛАТФОРМЫ! – рваный железный визг оборвался, сменившись участливой записью. – Уважаемые пассажиры. Отойдите от края платформы. На этот состав посадки не будет.

Давление спало. Люди успокоились и обмякли. Красные огни исчезли в темной арке, и о птице не вспомнил никто.

Когда на станцию вылетел поезд, она заметалась и кинулась в тоннель напротив. И теперь наверняка была мертва.

Для чего еще поезду на стекле дворники. Под землей.

Вот так быстро это происходит.

За первым составом пришел еще один, и двери распахнулись, и люди хлынули по вагонам, припечатав меня с Эвридикой к створке напротив. Мертвые люди спешат домой.

Мертвые люди занимают места. Их общество – механизм, и горе тому, кто попал между его трущихся частей.

P-p-p.

Резиновые створки пытались закрыться, но что-то мешало им. Кто-то держал в соседнем вагоне дверь.

– ОТОЙДИТЕ ОТ СОСТАВА! – заревел истеричный железный голос. – *Уважаемые пассажиры. Отойдите от состава. Посадка закончена. ОТПУСКАЕМ ДВЕРИ! Уважаемые пассажиры. Отойдите от состава. Посадка закончена. Уважаемые пассажиры. Отойдите от состава. Посадка закончена.*

По ту сторону, на станции, заревел милицейский зуммер. Еще и еще раз.

И створки захлопнулись. И поезд дернулся вперед так резко, что я повалился на Эврику, а в мою спину уперся чей-то отчаянный локоть.

Мы нырнули в тоннель, и свет погас.

И я заворочался, полулежа на стонавшей Эвридике, пытаюсь вырваться на свободу, но это было невозможно. Я сдался и обнял ее, и стало гораздо удобнее.

Теперь, кроме нас двоих, в мире не осталось никого. Мы летели сквозь ночь, прижавшись к холодному стеклу. За окном во мраке вились и плясали тросы, и на детском лице Эврики мелькали сполохи внезапных фонарей. От свиста у меня заложило уши.

Мне хотелось ехать так вечно. Мои глаза закрылись, и же-

лезная коробка исчезла, и только холодный ветер колыхал землю подо мной, и я заскользил на дно, сжимая тонкую Эвридику в объятиях.

Поезд вылетел на станцию. Замерцали лампы на потолке, и снова разгорелся свет. Вокруг теснились люди, и мне стало противно до липкой испарины. Люди сидели на лавках. Жуткие старухи, бесформенные от жира и болезней. Оплывшие хмурые тетки, на полпути туда же. Хворые шелудивые мужички. Люди возились и толкались. Люди зевали, и дыхание их пахло луковой шелухой. Я не хотел, чтобы они трогали меня, не хотел, чтобы они притрагивались к Эврике, и не мог ничего поделать. Стоило мне отодвинуться, как жаркое пространство рядом немедленно заполняли люди.

Они не выпускали нас до самой конечной. Там они хлынули наружу жарким потоком, и утащили Эвридику, а я всё стоял, пока состав не опорожнился, пока снаружи не стало тихо. Я вышел к Эврике лишь тогда, когда в пустой вагон забрела обходчица.

На платформе кроме нас остался только один человек. Он стоял у соседнего вагона. И он не был мертв.

Парень весело осмотрел нас и махнул рукой. Отвернулся и вытащил тонкий мобильник.

«Наверняка это он застрял тогда между створок», – подумал я.

Мы не сбежали. Всю дорогу под землей мы по-прежнему были в ловушке.

5 сентября 2005 года

- Чего так долго?
- Шли пешком.
- Куда?! До самой больницы?
- Угу. Я хотел на метро, а он не пошел.
- Как «не пошел»? А в рыло?
- Я пробовал, так он укусил меня, зараза ненормальная.
- Косой, ты че! Срочно в экспертизу, срочно прививку от бешенства. С такими вещами не шутят, вон, в новостях передавали.

22 апреля 2003 года

Его встретила другая журналистка – широкоплечая и молчаливая, похожая на солдата. Она провела Диму в редакцию и оставила его у двери. Едва он успел заскучать, как подошла сама Ксения, по-утреннему живая, с ярко накрашенным ртом.

– Да выбрось уже эту гадость, – Ксюша отобрала у Димы склеенный диктофон. – Идем.

Она швырнула диктофон в урну и коротко взмахнула рукой.

– Отлично, просто отлично, – болтала Ксюша по дороге. – Все читают твое интервью, я всем говорю, вот это настоящая журналистика. А не как мы здесь...

– Мое интервью?

– Машка! Дай человеку свежий номер! Ага, вот, – она вру-

чила Диме клейкий глянцевый журнал. – С утра звонил уже пресс-секретарь твоих девочек, орал тут, грозился в суд подать.

– Э... это плохо? – спросил Дима.

– Нет, конечно! Ты что. Это хорошо! Если б он мог, он что, звонил бы? Он бы подал.

Дима осторожно улыбнулся.

– Так я?.. – спросил он.

– Ты молодец, – она косо сверкнула улыбкой и потеряла руки. – Знаешь, что мы сделаем? Мы научим тебя писать, и ты станешь монстром!

Дима содрогнулся.

– Ты тоже считаешь, что человек – это хищник? – спросил он.

– А? Ты о чем? Ладно, не важно, мы пришли, – она при тормозила у стола, уже знакомого Диме. – Ты посиди здесь, и кстати, ты здесь и будешь сидеть, располагайся... почитай свое интервью, а я сбегаяю к себе за бумагами.

Ксюша взяла у него журнал, пролистала до середины и грохнула его Диме на колени.

– Вторая полоса, колонка справа.

Когда она ушла, Дима огляделся и положил журнал на стол, испытывая перед глянцевой бумагой незнакомый теплый испуг. Дима убрал из-под ног пыльный удлинитель, затолкал системный блок подальше, а экран подтянул к себе. Немного робея, он протянул руку к монитору, отклеил жи-

рафа и убрал его в нижний ящик – два верхних были отведены под чью-то сахарницу, кофейную чашку и пару резиновых кедов.

«В гостях у *двух скандально известных бэд-герлз* из коллектива «СКАЗКИ» мы получили ответы на самые дерзкие наши вопросы», – прочел Дима, водя носом вдоль строк, – «Читайте в ОТКРОВЕННОМ ИНТЕРВЬЮ *от Митяя Честного!*

МЧ: Ваши интимные предпочтения?

АНЯ: Мой вариант номер один – это догги-стайл. Еще я люблю анальный секс. Только не говори, что тебя это шокирует.

ЮЛЯ: Я сложная натура, и люблю эксперименты. Признаюсь, что порой мне нравятся и игрушки, и вотерспорты, и я даже попробовала бы джербиллинг.

АНЯ: (смеется)

МЧ: Сейчас модно интересоваться – как вы относитесь к наркотикам?

АНЯ: Знаешь, когда выходишь на сцену и чувствуешь зал, наркотики тебе просто незачем.

ЮЛЯ: Всё, что мы делаем, приносит достаточно кайфа само по себе.

АНЯ: Музыка – это лучший наркотик!

МЧ: Ваши творческие планы?

ЮЛЯ: Скоро мы отправляемся в тур по странам ближнего зарубежья, потом у нас будет концерт в Москве. Еще мы ра-

ботаем над записью нового альбома, он выйдет летом. Больше всегда можно узнать у нас на сайте. (Прим. ред.: см. внизу стр.)

МЧ: И финальный вопрос – о...»

– Ну что, как тебе?

Дима поднял глаза. Рядом стояла Ксюша.

– Ты знаешь, тебе стоит поставить линзы посильней, у тебя на сколько? – спросила она.

– А?

– Тебе нравится интервью? Ощущаешь дуновение славы?

– Э, – сказал Дима. – Не знаю... Тут же всё не так...

– Не так? – Ксюша удивленно подперла щеку языком. – Ну конечно, после редакции! Не думал же ты, что кто-то станет прямым текстом печатать то, о чем вы там говорили?

– А вот это? – Дима взял номер и прочел. – «Финальный вопрос – о чем вы мечтаете. Юля: сняться в чем-нибудь откровенном. Аня: я мечтаю о серьезных интересных отношениях», она такого вообще не говорила.

Дима посмотрел на Ксюшу, борясь с тяжелым скользким журналом.

– Ну и что? – она махнула рукой. – Вопрос банальный, я додумала за них интересное окончание.

– Сама?..

– Конечно. А о чем еще эти две могут мечтать? Или спортсмены, к примеру, – сказала она, сделав неловкий жест рукой. – Ради бога, да ты знаешь, какие они *тупые*? Они же

вообще ни бе ни ме порой.

«Бе? Ме?», – растерялся Дима, пытаясь удержать на коленях журнал и уследить за словами Ксюши одновременно.

– Мы, прежде всего, развлекательная пресса. Ты считаешь, кого-то развлечет этот бред, который несут наши политики или, там, звезды?

– Но это же неправда, – сказал Дима неуверенно.

Ксюша нахмурилась, одернула манжеты и сложила руки на груди.

– Слушай, – она сбавила тон. – Отныне я твой редактор, и давай я буду сама решать, что правда, а что неправда, оки?

– Ладно, – промямлил Дима, не понимая, чем он мог ее обидеть.

– Мы делаем грязную работу, – Ксюша вздернула носик. – Если не сможешь с этим жить, то у тебя ничего не выйдет.

Она развернулась, пронзительно скрипнув туфлями, потом застыла и приложила к дужкам очков указательные пальцы.

– Ты совсем меня сбил. Я принесла тебе памятку по чтению корректуры и всякие другие советы... – Ксюша шагнула к столу и взяла скрепленные листки. – Просмотри мельком, я вернусь, и будем учить тебя работать. Оки?

Она улыбалась и больше не казалась обиженной.

– От Митяя Честного, – сказал Дима, глупо ухмыльнувшись ей в ответ.

22 апреля 2003 года

Площадка напоминала театральный зал после второго звонка. Свежий холодок еще щекотал ноздри, но между кресел уже пробирались люди, за кулисами шумели рабочие, а между подиумом и сценой тянулся целый серпентарий из проводов и запутанного кабеля, в котором прыгал тощий режиссер.

Это он был на прослушивании справа от Члеянца, подумала Лиза. Она жалась к неоновой декорации («B-A-Y!»), чувствуя себя крошечной и бесполезной. Рабочие, операторы и другие незнакомые люди обходили ее стороной, задевали плечами и стремянками, извинялись очень вежливо, – с режиссером и то вели себя грубее, – а одна женщина даже вручила ей стаканчик кофе. Но Лизу грызли мысли о том, что ей здесь не место. Вот Анжелика, например – явно была при деле, где-то пропадала, вовсю готовилась. Вообще, каждый был занят чем-то, кроме Лизы.

Решившись, она сделала два робких шага по синему ворсу, покрывавшему сцену.

– Как тебя там, куда ты, – замахал на Лизу режиссер. – Стой, не теряться нигде. Так!

Он повернулся к студийной публике.

– Кто новенький, я говорил уже, запоминайте: в зале НЕ разговаривать, ведущих НЕ разглядывать, – всякий раз, говоря «не», режиссер слегка приседал. – Места НЕ покидать до перерыва. Из своего кармана никто платить не хочет?

В зале никто платить не хотел.

– Отлично. Значит, так, перед вами, – он несколько раз указал пальцем. – Вот это табло. Пока мигают «аплодисменты», все хлопаем. Пока «смех», все смеемся. Когда «серпантин» замигает, надо объяснять? Идею все поняли? Так, серпантин у всех есть?

Идею поняли все, но серпантина не хватало. Режиссер опустил руки и ускорился, спотыкаясь о провода и матерясь под нос. Загорелась рампа и подсветка; от затянутых бумагой ламп тут же потянуло жженой пылью.

«Так и знала, скоро здесь будет нечем дышать», – подумала Лиза.

– Где помощница? Воробьева! Иди сюда, – из-за кулисы пробились требовательный голос, и Лиза спешно нырнула в бархатные портьеры, где нашлась и сама Анжелика, уже обутая в туфли на высоченном каблуке и наряженная во что-то вроде платья-коктейль, темно-серого, усыпанного блестками.

– Что? – недовольно спросила Анжелика.

Лиза опустила глаза и отчаянно напряглась, чтобы не засмеяться.

Хмурая Анжелика была накрашена *просто чудовищно*. Темная бордовая помада, вообще, почти черная, и синие тени с длинными стрелками, все какое-то просто *блядское*, уродливое, и совершенно ей не к лицу.

– Ты сейчас такая же будешь, – сказала Анжелика, наверняка прочтя все ее мысли.

– Извините, – зашелестела Лиза, начиная краснеть.

– Не называй меня на «вы», это непрофессионально. Знакомься, это наш визажист, – она подтолкнула Лизу в объятия скучающей полной женщины. – Иди с ней в гримерку, там сразу и костюмер.

Задворки съемочной площадки оказались совсем необитаемы. Сплошные коридоры, голые комнаты и пыльные лампочки без плафонов. В гримерке стоял только верстак, испещренный кляксами от сигарет и кофейными полумесяцами.

Лиза гадливо тронула столешницу. Та была липкой и холодной. Стены гримерки казались чистыми, но прикасаться к ним тоже не хотелось.

– Табурет бы хоть поставили, – сказала визажистка, грохнув пухлую кожаную сумку на верстак. – Совсем ведь устроиться негде. Косметику где берешь?

Она промокнула веки Лизы влажным тампоном.

– Пока нигде, я только сюда переехала, – сказала Лиза. – Это обязательно?

– Значит, пока нигде не бери. Я расскажу, где взять. А, ну да, что ты спросила?

– Обязательно... всё перекрашивать... так сильно? – произнесла Лиза, осторожно двигая губами.

– Там синяя подсветка, а у камеры низкий контраст, или как его.

– А нельзя...

– Ну, ну, минутка молчания, – визажистка хрустнула тюбиком.

Лиза скосила глаза на язычок помады. *Боже, почти фиолетовый*, – ужаснулась она.

– Умoeшьcя потом. Я тебе оставляю визитку, если интересуеt визаж, маникюр, макияж – всегда рады, цены умеренные. Глазки закрываем.

Лиза прикрыла глаза. «Успокойcя», – подумала она. *Это не конференция и даже не театр*. «Это просто видеосъемка. Возьми себя в руки, расслабьcя». Лиза стиснула липкие губы, и у нее дрогнула правая коленка.

Она так и стояла, не открывая глаз, а визажистка накладывала один слой за другим, и еще слой.

– Ну чё, готова моя девчонка? – спросил кто-то новый.

На пороге стоял низкорослый парень в очках и с отбеленными волосами, одетый довольно непримечательно.

– Костюмер, дорогая, – он выставил указательный палец, аккуратно перебинтованный желтым сантиметром.

– Готова, – сказала визажистка. – Дать полюбоваться?

– Н-нет, спасибо, – Лиза подумала, что лучше такого не видеть. – Хотя ладно, давайте.

Вообще-то, макияж был совсем неплох. То есть, если бы Лизе хотелось превратить себя в сучку, готовую на всё ради хорошей жизни – лучше раскраски было не придумать. Дикие раскосые тени, блеск и контур – оружие, а не косметика. Мужики изошли бы слюной.

Нет, помада лежала слишком густо, и ядовитый оттенок тоже не годился. «Чересчур нагло и бессовестно», – подумала Лиза. *Все-таки я не до такой степени экстраверт.*

– Ну, раздевайся, – потребовал костюмер.

– Что? – не поняла Лиза.

– Снимай одежду.

– Зачем?

– Обмерим, – он изобразил, как снимает мерку. – И выберем платье. Ну, бегом.

Лиза медлила, изучая скучные углы гримерки. Спрятаться было негде, и визажистка уже испарилась.

– Ты... вы не могли бы отвернуться? – спросила она.

– Да что там, – отозвался парень. – Всё равно придется на тебя смотреть и тебя лапать. Ну, бодрее, не можешь раздеться на публике – какая ты тогда актриса?

«Одно дело публика», – хмуро подумала Лиза, расстегивая пуговицы. Она потянула блузку через голову и...

Боже. Ее бросило в холод.

Ты помнишь, что надела под низ?

Но деваться было некуда. Лиза набрала полную грудь воздуха и решительно выпуталась из ситцевого ворота, заранее скосив на себя глаза.

Все оказалось не так плохо. На ней был самый обычный комплект, не слишком домашний, не слишком откровенный, не слишком застиранный.

Она расправила плечи и подняла глаза на костюмера. Он

кивнул, закусил губу и принялся лениво мерить Лизу вдоль и поперек. Из дверного проема сквозило, где-то рядом возились и бубнили рабочие, и Лиза недовольно поежилась.

– Ничего, хороший зад, – сказал костюмер, затягивая на ее талии холодный сантиметр и проверяя деление. – Даже чересчур хороший.

– Это что значит?

– Значит, придется зашлифовать на талии. Всё, одевайся, но не застегивай.

Он выпрямился, отряхнул колени и направился к выходу, не забыв споткнуться о туфлю Лизы.

– Тридцать восьмой, да? Годится, жди здесь. Я приду, и будем переодеваться.

Она хотела узнать, нельзя ли переодеться в гардеробе, но костюмер уже вышел, почесывая отбеленный затылок и чуть не стукнувшись по дороге о косяк двери.

Через десять минут Лиза вышла на подмостки в серебряных босоножках на высоченной шпильке и роскошном синем платье, которое сияло радугой и нещадно кололось в плечах и груди. Похрустывая как свежий букет, Лиза шатко прошла к неоновой лагуне, где полагалось стоять ведущим.

Ее остановила высокая немолодая женщина в пиджаке и прямой юбке.

– Ты Воробьева? Члеянец, это она?

– Она, – устало подтвердила Лиза, которой начали приедаться новые лица.

– Да, Тамара Владимировна, – и у локтя незнакомой бизнес-леди соткался из полумрака Члеянец, нелепый помощник с хвостиком черных волос.

– Я исполнительный директор, – сказала женщина, протянув руку. У нее было холодное, но правильное лицо пожилой балерины, узкий рот, прямой нос и чуть косящие глаза.

«Ого, сама мадам Бергалиева», – подумала Лиза, уже слышавшая это имя от режиссера.

– Очень приятно, – сказала она, пожав сухую, меловую руку директорши. – Меня зовут Лиза.

Фу, ладонь как у школьной училки.

– Лиза Воробьева.... нет, – директорша уставилась на Члеянца. – Нет, это ни в какие ворота.

– Д-да, – замялся помощник. – Э-э, Лиза, вы у нас...

– Ты у нас будешь Элиза... – перебила его Бергалиева. – Элиза... э... Аркаша!

– Фрейд! – выдохнул Члеянец.

– М... Ну да, психолог Элиза Фрейд, – объявила Бергалиева. – Время.

И они ушли, оставив Лизу торчать на подиуме столбом.

– *Какой еще ФРЕЙД?* – хотела она крикнуть им вслед, но директорша и ее помощник уже исчезли. На часах было десять, и беготня в студии достигла своего пика. На сцене клубились люди, которые что-то настраивали, строили, приносили и уносили.

– Ну что, Фрейд, готова? – рядом появилась раскраснев-

шаяся Анжелика.

– Какой еще ФРЕЙД??

– Ты ведущая, привыкай, – девочка-аниме потрянула челкой, взяла у кого-то зеркальце и наскоро припудрила щеки.

– Я... я уже **ВООБЩЕ** не соображаю! – выдохнула Лиза, едва не разрыдавшись.

– Так, – Анжелика профессиональным движением поймала ее за плечи. – Ну-ка, гляди на меня.

– *Что?* – уныло сказала Лиза. – Что еще?

– Выпить хочешь?

– Нет...

– Серьезно, если нужно пятьдесят, я сразу говорю: видишь тетку возле оператора? У нее стаканчики и коньяк.

– Нет, – Лиза покачала головой. – Нет, я лучше после.

– Хорошо, идем курить.

– Идем.

И Анжелика снова потащила ее за кулисы.

После сигареты Лизе стало куда лучше. Она даже удивилась, какого черта было затевать истерику. Ну, псевдоним, Элиза, нормально... ну, Фрейд.

– Ты понимаешь, дело в чем, строго говоря, Фрейд вообще даже не психотерапевт.

– И шел бы он к... – отозвалась Анжелика, лениво пуская дым.

«Нет, она ничего», – подумала Лиза. Просто смахивает на японскую школьницу, вот ты ее и невзлюбила. Познакомить-

ся бы до съемок получше.

– Знаешь, Анжела...

– Не называй меня так, – Анжелика сверкнула темными глазами. Она затаилась и сказала чуть тише. – Ладно, я прошу прощения за «Элизу», годится?

– Конечно... М-м. Анжелика...

– Слушай, хватит издеваться, ладно?

– Но как тебя звать тогда?

Анжелика вынула изо рта белый окурочок и пнула ногой урну.

– Катька, – сказала она, резко стряхнув пепел. – Катька Муромская.

22 апреля 2003 года

В маленьком кабинете было пусто, не считая офисного стула без спинки, черного кресла в форме надувной лодки, и рабочего стола. Его матовую поверхность нарушал только факс, на панели которого тлела одинокая лампочка. Максим сидел и считал ее вспышки, сначала механически, потом с живым отвращением.

Где-то в районе тысячной отметки телефон булькнул и затрещал. Макс подобрал трубку.

– С кем я говорю? – потребовал мягкий голос по ту сторону линии.

– А я с кем говорю? – отозвался Максим. – Это новый сотрудник.

– Мобильный номер.

– Что?

– Дай мне свой мобильный номер.

– Я сам второй час торчу в кабинете, мне интересно, где эта сволочь шля...

– Эта сволочь я, – остановил его голос. – Давай мобильный номер.

Максим продиктовал ему цифры, и факс немедленно умолк. Сразу зазвонил сотовый.

– Отлично, – в мобильном исполнении голос звучал чуть бодрей. – Теперь: главное, не стой на месте. Выходи из кабинета и к лифту, поскорее. Идешь?

– Да.

«Что за *кретинизм*», – подумал Макс, терзая кнопку лифта. *Детский сад*.

– Потом налево, за желтой дверью – костюмерная. Там говоришь: «дресс-код четыре». Запомнил? Я перезвоню.

Секунду поколебавшись, Максим открыл желтую дверь и оказался в тесном лабиринте из этажерок и шкафов, между которыми во мраке ходили костюмеры. «Только бонусов по углам не хватает», – подумал Макс.

– Дресс-код четыре, что бы это ни значило, – сказал он, торжественно подняв руки.

– Вам срочно или долго? – спросил ближайший к нему костюмер, самый высокий, лысый и, по-видимому, главный.

– Я так понимаю, срочно, – ответил Максим, пытаясь рассмотреть где-нибудь стул.

Присесть он так и не успел. Макса обступили все трое: главный давал указания, остальные два, помоложе и не такие длинные, возились с пыльными тряпками и прикладывали к ноге Максима спортивную обувь.

– Во-от, переоденьтесь, – главный вручил Максy *уродский* тренировочный костюм, шапку и пару убитых серых кроссовок.

– А нельзя ли помедленней, без... – его прервал звонок сотового.

– Переоделся?

– Я не стану...

– Это только временно.

– В любом случае, не могу же я оставить здесь вещи. Мой костюм стоит...

– Возьми у них сумку.

– Не знаю, это... Всё это обязательно?

– Быстрее, у нас кончается время.

«Иди ты», – подумал Максим. *Увольняюсь, пошли все к такой-то матери.*

– Решай быстрее, – сказала трубка.

Они ждали. Главный держал в руках пыльные кроссовки.

– Короче, такая девочка новая к Анжеле пришла, – тихо сказал один младший костюмер. – Из провинции откуда-то.

«Это моя девочка, козлы», подумал Макс. *Это моя девочка, есть вопросы?*

– Хорошо, – он сжал трубку в кулаке. – Что дальше?

– Переодевайся и выходи налево через длинный холл, там возьмешь сетку для тенниса, и сразу ко мне, выход из «Кропоткинской».

22 апреля 2003 года

– Ну что, всё понятно? – Ксюша взяла у него бумаги. – Оставь себе вот эту, это памятка.

– Да. Только один вопрос, – признался Дима.

– Угу?

Он поскреб коротко стриженный затылок и потер щеку.

– Вот в журнале напечатали «Сказок» – это же поп-музыка?

– Ну да, а что?

– Но ведь это... не блюз.

– Э? – Ксюша подняла брови.

– Журнал ведь «Ритм-н-блюз» называется?

– Блин, – Ксюша наклонила голову. – Ты не знаешь, что такое ар-эн-би?

– Нет.

– Ритм-н-блюз. Такой модный стиль, – сказала Ксюша, потерев нос ладонью. – Не имеет отношения к блюзу. Попсовый, глупый, насквозь коммерческий.

– А зачем называть так журнал?

– Потому что журнал такой. А журнал, потому что читатель такой же. Оки? Еще вопросы?

– Да, – сказал Дима. – Что мне нужно делать?

– Всё очень просто. Пока я не найду тебе следующее ин-

тервью, примени свои знания на деле и напиши заметку. Мы ее разберем, и ты поймешь, куда двигаться.

– А на какую тему?

– Ха! – Ксюша хлопнула в ладоши. – Знаешь, дай мне тему, я сама напишу. Наша работа и есть, по сути, вечные поиски темы.

– Ну подскажи хотя бы, с чего начать.

Ксюша задумчиво потерла запястье.

– Я так поняла, ты не разбираешься в современной музыке?

Дима покачал головой.

– Тогда не знаю... Придумай что угодно. У нас рубрик много, пристроим, если что.

Дима отвернулся к экрану и дважды аккуратно шелкнул «пробелом». «Про что бы написала ты, Синица», – подумал он.

– Можно, – он прикусил и пожевал губу. – Можно я напишу про двух подруг-лесбиянок? Они порнозвезды...

– Господи помилуй, нет, – сказала Ксюша. – Ты с ума сошел? Это неформат.

– А? То есть, запрещено?

– Да нет же, у нас что, по-твоему, цензура? Всё разрешено. Просто неформат. Мы не тот журнал, понимаешь?

– М-м, – сказал Дима, мусоля ноготь большого пальца. – А если про армию?

Ксюша тряхнула челкой.

– Не годится.

– Тоже неформат?

– Вообще-то, смотря что... нет, – она поправила волосы. –

Нет, все равно, не годится.

Дима потер щеку и задумался. Ксюша стояла рядом. Не удержавшись, она тихо запела и закружилась между столов, подобрав невидимое бальное платье.

– А что, если, – Дима оглянулся и повторил. – Что, если написать про это... про фобию?

– Давай, – согласилась Ксюша, продолжая вертеться. – У нас есть психология, там как раз девочка – моя подруга. Конкретно, что за фобия?

– Ну... страх закрытых мест.

– Уже было, в декабре.

– Страх высоты?

– Было еще раньше.

– А чего не было?

– Скажу так, – Ксюша сморщила нос. – В последнем номере писали про лалиофобию.

– Это что?

– Боязнь речи. Хочешь взять фобии – найди что-то оригинальное. Хотя бы настолько.

– А где?

– Не знаю.

– Может, в интернете?

– Там уже всё до тебя найдено. Проще завести знакомого

психолога.

22 апреля 2003 года

Несчастный парень сидел на табурете, ссутулив широкие плечи, свесив голову и глядя в синий ворсистый пол. Лиза отчаянно завидовала гостю программы: ей приходилось торчать возле тумбы на затекших ногах и смотреть широко распахнутыми глазами в телесуфлера.

– Затем я понял, что в наших отношениях не может быть недомолвок. Я понял: должен. Когда Валентина ушла в институт, я...

У парня дрогнули плечи. Он запнулся и смешно хлюпнул носом.

– Простите, я... мне...

В одной руке он непрерывно мял и тискал другую – кисти ерзали и терлись друг о друга, как две горсти сухих костей.

– Признаться в этом очень непросто, – сообщил парень.

«Еще бы», – подумала Лиза. *Сто человек и три камеры.* Тут сложно даже нос почесать, не то, что признаться. Она покосилась на синий экран, где появлялись ее реплики. Монитор был пуст.

Передачу снимали вразброс – режиссер объяснил, что трудные сцены делаются на свежих людях. Теперь Лиза мучительно гадала, что происходит, и к чему относятся ее слова на экране. Телесуфлер был только у нее и Анжелики, парень обходился без подсказок.

– Я взял записную книжку Валентины, и...

– И еще раз поддержим нашего гостя! – потребовала Анжелика. Публика дружно грохнула аплодисментами. Пока операторы давали панораму зала, Анжелика загородила микрофон на груди ладонью, коротко чихнула и выматерилась.

– Все у них было хорошо, но Павел не мог жить, не зная свою пару досконально. Ему в руки попала записная книжка Валентины, и Павел не удержался – он решил узнать ВСЕ ЕЕ СЕКРЕТЫ! – Анжелика устремила руку вверх, призывая рампу в свидетели.

«Классно она умеет», – подумала Лиза. *Даже не видно, что читает с экрана.*

Пошарив за тумбой, Анжелика выхватила поддельный микрофон и зашагала навстречу камере, стремительно тараторя:

– В эфире «Вау!», я Анжелика Лето, и тема сегодняшней передачи – **ВАУ!! ОН НАШЕЛ ВСЕХ ЕЕ ПАРНЕЙ!** Оставайтесь с нами на «Мега-сорок-четвертом».

Она сделала большие глаза и умело прикрыла их веками.

– Снято, девки, перерыв, – сказал голос режиссера. Лиза вынула маленький наушник и повертела в жарком ухе пальцем. Анжелика уже курила с гостем на двоих.

– Я вот не понимаю, – говорил тот. – Мой герой, он чё вообще парится, ну залез типа бабе в телефончики, ну, с кем не бывает?

– От меня хоть отвали, сценарии пишет не ведущий, – Анжелика выпустила дым тонкой струйкой и вернула гостю си-

гарету.

– Нет, я как бы не против, контroversия, оно всё такое, хороший материал, – похвалил он и коротко затянулся. – Это я как бы из любопытства.

– Слушай, он что, актер какой-то? – спросила Лиза, когда они с Анжеликой возвращались на места.

– И не какой-то, а мой знакомый. Я их всех знаю, кроме девчонки, она не из театрального.

Подошла незнакомая женщина, осмотрела Лизу и прошлась тальком по ее щеке. Лиза была растеряна.

– Тут что... всё не на самом деле?

– Это телевидение, – Анжелика подобрала и спрятала микрофон-пустышку. – *Конечно* тут всё не на самом деле.

– Поехали! Камера, – голосом режиссера каркнул наушник.

– Выпуск 10–01, сцена 012, – другая незнакомая женщина щелкнула хлопушкой у них под носом.

Лиза хотела спросить – неужели и в *других* передачах вместо гостей актеры, но Анжелика только шикнула сквозь зубы. На мониторах бесновались последние кадры вступления: лица девушек и парней, неровно вырезанные из фотографий, на фоне рисованного названия.

– Добро пожаловать, в эфире «Вау!», я Анжелика Лето, и тема сегодняшней передачи: вау, он нашел – всех – ее – парней. И сейчас я рада пригласить в студию ИХ – семерых! – она помахала кому-то рукой.

Тут должна была грянуть музыка, и не грянула – «наверное, добавят потом», – решила Лиза. Скрипя половицами в неловкой тишине, на сцену потянулась цепочка тех самых парней, что нашел герой передачи. Шестеро из них застенчиво улыбались и махали публике. Один, которому досталась роль поживее, шагнул навстречу зрителям и двумя руками послал им воздушный поцелуй. В зале немедленно захлопали и засвистели, не потому, что были ему рады, а потому, что серое табло потребовало «аплодисменты», а после «свист». Парень номер семь еще раз поднял руки и уселся на помеченный для него стул.

– Я хочу сказать тебе, Павел, – обратился он к гостю. – Что ты всё сделал правильно.

Аплодисменты.

– Это я говорю ему, Павлу, что он всё сделал правильно, – седьмой парень обернулся и подмигнул Анжелике. – Любой настоящий мужик на его месте бы поступил точно так же, и тоже сделал бы всё правильно.

Смех. Аплодисменты. Свист. Шесть парней тоже смеялись и хлопали, гость сидел молча и мял в одной руке другую.

Актеры. Из театрального. Чем дальше, тем Лизе было неуютнее. Ладно, что вся история теряла смысл: и что ей до Павлов с их Валентинами, если это просто сценарий. Речь теперь шла о постановке. Вот что не давало ей покоя. Её окружали профессионалы. Даже Катька-Анжелика, даже зрители

были здесь не впервые, и роль живой публики давалась им отменно. А Лиза, дилетант на сцене, оказалась тут чисто случайно. Незачем быть психологом, чтобы сыграть психолога. Боже, да наоборот. Эти реплики, которые подсовывает теле-суфлер – они же с точки зрения психолога чушь и бред.

– Напоминаю, что сегодня с нами в студии впервые – Элиза Фрейд, *убийственно* знающая психологию и все отношения между людьми.

Лиза вытянулась по струнке, ощущая почти физически, как жерло каждой камеры теперь упирается в нее.

«Спасибо, Анжелика», – всплыли два слова на синем экране. Больше ничего.

– Спасибо, Анжелика, – повторила Лиза. *Боже, совсем ведь деревянный голос.*

– Как ты думаешь, Элиза, прав ли был Павел?

– Думаю, это лишь попытка сублимировать наши личные страхи, – прочла Лиза, стараясь подавить в себе профессиональный ужас.

– О-о, вот это КРУТО! – обратилась Анжелика к публике. Аплодисменты.

На экране светилась новая реплика.

– Хочу еще заметить, – читала несчастная Лиза. – Что, если у Валентины было столько парней, это говорит о непостоянстве. Что, скорее всего, вызвано травмой в ее раннем детстве.

– Вау, типа, в три года она вывихнула ногу и теперь спит

со всеми? – прочла Анжелика, сделав большие глаза.

– Нет, я подразумеваю душевную травму.

«Скорее всего, родители не уделяли Валентине должного внимания. Теперь она пытается компенсировать его в отношениях», – поднимались на экране строки, и Лиза читала их, краснея под густой косметикой.

– Простите, но я не могу согласиться, – гость поднял руку, и все парни начали возражать, сначала хором, потом вперемежку: один из них говорил, а все остальные кивали.

– Если бы всё было так просто – но всё не так просто. Совсем не просто, – сказал первый, самый широкоплечий и темноволосый.

– Это неправда, – сказал шестой парень, розовощекий купидончик в шерстяном свитере. – Я давно знаю Валентину, она порядочная девушка.

– Я согласен с остальными, – сказал второй.

– Как-то по-ханжески, извините, – сказал четвертый.

– Я думаю, в сексе девчонки пусть решают сами. Ура! – седьмой подскочил и еще раз послал зрителям воздушный поцелуй.

Смех. Аплодисменты.

Лиза устала и была рассержена. Ей подсовывали идиотские реплики, заставляли краснеть, выставляли душой – а теперь еще публично обвинили в ханжестве.

– И вообще, какая разница? – бушевала Лиза перед Анжеликой. Они курили и готовились к еще одной порции съе-

мок. – Я сама, знаешь, со сколькими встречалась? Побольше, чем эта «Валентина», блядь.

– Угу, – промычала Анжелика в сигарету.

– Вот у тебя самой – сколько было парней?

– Что есть «парень»?

– Не важно... Нет, хорошо бы сказать спасибо этому сценаристу, в конце концов. Вообще, не знаю, придушила бы.

– Это милая такая девочка, тихая и скромная.

– М-м, – Лиза глубоко затянулась, поправляя наушник. Вдруг он хрюкнул и кашлянул, заставив ее отдернуть руку.

– Че ты колбасишься, – сказала Анжелика. – Это же шоу. Думаешь, *мне* сильно нравится, что я говорю тут?

– Девки, не хочу прерывать дискуссию, – отрешенно сказал режиссер в ухе. – Но, сука, время.

Снова незнакомая женщина подняла хлопушку. На мониторах плясали неровные буквы, а позади Лизы звякнула и зажглась неоновая вывеска. «В-А-У!».

– Добро пожаловать, в эфире «Вау!», я Анжелика Лето, и тема сегодняшней передачи: вау, он нашел всех ее парней. И вот, наступает ответственный момент, поприветствуем, у нас в студии ВАЛЕНТИНА!

Серпантин. Аплодисменты. Свист. На сцену поднялась худая девушка с темно-русыми волосами, немного сбитыми на бок. Она подошла к Анжелике, зачем-то присела в реверансе и заняла кресло поодаль. Восемь парней усталились на гостью с интересом – она была не из театрального.

– Спасибо, – девушка потупила глаза, но слегка наклонила голову, чтобы ее было слышно в подвешенный микрофон. – Прежде всего я хочу сказать вам спасибо. Вы все отличные ребята, я всех вас люблю. И спасибо тебе, Павел, за то, что ты собрал всех нас здесь...

– Валентина... – Павел запнулся и встал.

Гостья встала и заговорила чуть громче.

– За то, что собрал нас здесь вместе, я страшно рада вас видеть...

– Валентина... – он сделал шаг к ней, приподняв руки.

– Я люблю вас, ребята, я люблю вас всех!

– Валентина, я... – сказал Павел. Из его глаз текли настоящие слезы. Семь парней тоже покраснели и готовы были разрыдаться. «Интересно, как у них это выходит», – подумала Лиза.

– Я люблю тебя! – воскликнул Павел.

– И я тебя, – заверила его Валентина. Они упали друг другу в объятия.

Восторг. Аплодисменты. Серпантин. Аплодисменты.

Публика бушевала. Хлопала Анжелика, и парни тоже, и Лиза, к своему ужасу, тоже начала бить в ладоши, глупо улыбаясь оператору. Маразм катился валом, он гремел и цвел, пока не истекли минуты, отпущенные графиком на финальную сцену.

– Ну что же, – Анжелика снова взяла поддельный микрофон и вышла к публике. – Это было просто супер, просто

ВАУ, настоящий урок судьбы. Пожелаем Валентине и Павлу удачи, их ждет романтический ужин в коттедже у озера, напоминаю, что это приз от наших спонсоров, «Дом недвижимости», вы ищете дом? Тогда бегом – в «Дом недвижимости» – а я прощаюсь с вами, это была Анжелика Лето, программа «Вау!», до встречи в эфире!

Анжелика на секунду замерла, потом крикнула, повернувшись к гостям и семи парням.

– Еб, ТИШЕ нельзя?! Мне это говно потом переозвучивать!

Так закончилась последняя сцена, но еще оставались первые. Стремительный перекур, и шоу опять завертелось: гость мучился виной, Анжелика болтала, Элиза Фрейд несла чушь, парни спорили. Лизу уже едва держали ноги, а съемки всё шли, не думая прекращаться.

22 апреля 2003 года

Захлебываясь воздухом, он несясь по тротуару. Уродливые спортивные штаны хлопали как парус, глаза заливал пот, а пыльный краденый скейт, который Максим прижимал к груди, то и дело норовил поддать ему в челюсть. Но самое главное: на хер все это было нужно? Бежать переулками от незнакомого придурка, страдать от гипервентиляции, и главное, на кой черт исполнителю понадобился этот *скейтборд*?

Когда Макс, одетый как последняя рвань, выпутался из лимонных кафельных тоннелей «Кропоткинской», возле арки его поймал исполнительный продюсер.

– Сетку принес?

Максим, чувствуя себя идиотом, показал ему теннисную сетку.

– Отлично, скорей, идти далеко.

– Если далеко, почему не на машине?

– Машина стоит еще дальше. Пробки.

Они бегом миновали несколько переулков и вышли к подножью высокого спуска.

– Помоги, скорее, – продюсер взялся натягивать сетку между кленом и фонарем.

– Мы перегородили аллею, – сказал Максим, помогая развернуть тяжелый рулон.

– Сам знаю. Тут никто не ходит – карабкаться долго. Теперь слушай, – исполнительный выставил палец, не дав Максиму заговорить. Он глянул на часы. – Ты стоишь вот здесь.

Он взял Максима за плечи, отвел в сторону и выровнял.

«Как со шкафом обращается, урод», – подумал Макс.

– Так, сейчас вниз будет ехать паренек на доске. Он влетит в сетку, а доска поедет дальше и остановится здесь, – продюсер стукнул носком кроссовка в бордюр. – Хватай ее и беги прямо туда, по улице. Там гаражный комплекс, легко затеряться. В милицию попадешь – не страшно, я тебя заберу. Главное, не трогай пацана. Это категорически. Не дай себя разглядеть и не потеряй доску, если хочешь сохранить работу.

Максим не был уверен, что хочет этого, но продюсер не

стал его слушать.

– Все, парень уже едет, я исчезаю, – сказал он и немедленно исчез, оставив Макса посреди аллеи.

«Ну, пиздец», – думал Максим, стоя в позе вратаря. *Реально. Полный.*

Кто-то врезался в сетку, так сильно, что с молодого клена посыпались ветки и листья. По асфальту навстречу Максусу с грохотом неслись черные скейты. Он громко хлопнулся о бордюр и замер. Поколебавшись, Максим неловко сгреб доску в охапку и кинулся прочь.

И вот он бежал, едва разбирая дорогу, слыша чужой топот и думая: *Зачем? На хера?* Кому он нужен, этот чертов скейтборд?

– Стой! Ну стой, козел! – визгливо ревел позади тот, кому скейт был определенно нужен.

Максим случайно пропустил нужный переулок и хотел нырнуть в следующий, но его обнаружить не удавалось – дома с высокими окнами ложились в ровный коридор, и улица струилась между ними.

«Только не тупик», – думал Макс. *Черт, только не тупик.* Да, это был тупик. Бетонный забор и запертые ворота.

Развернуться и двинуть ему в голову, – решил Максим. Выбросить скейт и бежать. И на хер такую работу.

Между забором и домом виднелся узкий проход, и Макс бросился в него. Пробежав сквозь запах мочи, обнаружив горю строительного мусора, он взобрался наверх и замер.

Перед Максимом расстиралось целое море из рубероида, переложенного рядами бетонных плит. Это и был гаражный комплекс, точнее – крытый паркинг – но Макс оказался не внутри, а наверху. Повсюду торчали железные поганки дымоходов, гудели отдушины, выгибались дугой ребристые трубы. Гадливо ступая по хрустящему покрытию, он пробирался вперед, пока не заметил бетонную шахту. Макс укрылся в ее невысокой тени, обнял доску и сел, пытаясь тише глотать воздух.

К-БАХ! К-БАМ, К-БАХ!

Максим зажмурился, но лишь оттого, что в лицо брызнула колючая бетонная крошка. Он слишком выдохся, чтоб переживать, и только вяло удивился: пистолет? Макс не бывал под обстрелом раньше и вел себя, как пешеход на разделительной полосе.

К-БАХ! К-БАМ-М!

«Не задело бы», – подумал он и подавил усталый зев.

– Выходи! – донесся истошный рев. – Выходи, сука! Выходи! Выходиэ-гэ-гэ...

Тьфу. Недоразвитый какой-то.

– Сука! – пищал и ревел тонкий голос. – Я всё! Папе расскажу всё!

«Черт», – подумал Макс. *Черт, черт, я отобрал, меня заставили отобрать вещь у ребенка!*

Ему стало противно и стыдно. Максим почти решил встать, сказать что-нибудь уместное и вернуть парень-

ку скейт. Но у ребенка имелась другая игрушка, и Макс не осмелился.

– Да ты слышишь хоть?! – вопил голос. – Ты знаешь, кто мой папик? Он прокурор, ты понял? Он про-ку-РОР!

Бетонная пыль оседала на доску. Максим зажал манжету в кулаке и вытер лакированную поверхность. Ему захотелось принять душ.

– Нет, это правда, – сказал исполнительный продюсер. Они сидели в кафетерии у сухого замшелого фонтана. – Отец прокурор, сын звезда хип-хопа. Вот так. Ты что пьешь? Я капучино.

– М-м... айриш-кофе?

– Угощаю.

Макс прикурил сигарету. Он уже переоделся в нормальный костюм, а грязные уродливые шмотки остались в машине подальше от глаз. Еще принять душ – и порядок.

– Парень увлекается тем и этим... экстремальный спорт, – сказал исполнительный продюсер. – И пускай бы. Если бы не прямой эфир сегодня вечером.

– И?

– Мне говорить, во сколько нам обошлось бы любое происшествие?

– Эфир? – Максим коснулся щеки большим пальцем. – И что, по-другому нельзя?

– Я вообще бы переехал доску машиной, да она стоит почти столько же.

– Она – скейтборд что ли? – Макс толкнул доску ногой.

– Тихо. Мне еще сдавать ее вечером.

Принесли бокал айриша, и Максим присосался к нему, чувствуя, как виски пробирается в застывшие сосуды.

– Вопрос основной, – нарушил тишину продюсер. – Искренне – как тебе работа?

Макс облизнул стеклянный обод.

– Искренне, – сказал Максим, глядя в густое небо за окном. – Так себе.

Продюсер только улыбнулся.

– Хотя было интересно, – добавил Макс.

Да, и если пересказать Лизе. В него стреляли... Опять же, стреляла знаменитость.

– Продюсеры у нас – это рабы. Хотя отдача есть, – заметил исполнительный продюсер.

Максим облизал сладкий ободок и причмокнул.

Отдача была. Определенно.

– Ладно, – сказал он. – Пока сойдет. Я в деле.

– Добро. Тебя зовут...

– Максим.

– Максим. Учти, отныне твое имя – продюсер. Зовут продюсера – значит, наверняка зовут тебя, и ты приходишь. Главное – не переживай. Это вроде нефтепромысла, – исполнительный допил кофе и отставил чашку. – Готов? Ну, по машинам.

17 мая 2003 года

Конечно, всё оказалось не так радужно. Кроме съёмок приходилось высиживать долгую переозвучку в компании режиссера и крикливых монтажников. Анжелике хватало двадцати минут, а Лиза застревала в студии часов на пять, долго разминалась и кашляла в микрофон, пробовала говорить, вечно сбивалась или путалась.

Кроме Анжелики, ей нравился только режиссер.

Его звали Алексей, но, в отличие от большинства своих пухлых и добрых тезок, режиссер был из породы тощих, энергичных, вечно недовольных Алексеев; он часто матерился, много курил и изображал на лице мину, говорившую: «я не виноват, что вокруг одни идиоты». Это был единственный человек, который не утомил Лизу в первые две недели.

– Теперь мне уже не кажется, что 250 долларов – большие деньги. Всего тысяча в месяц. Если подумать, как раз в обрез.

Лиза вздохнула. Всё стоило так дорого. Она до сих пор не купила себе никакой обуви. И почти ничего из косметики.

– Прости, – сказал Дима.

Они трое снова торчали на крыше, слушали реактивный шум Ленинградского и птичий визг. Наслаждались теплым вечером и хвойным ароматом мартини. Лиза выуживала из банки маслины, Дима накалывал их на зубочистки, а Максим раскладывал по бокалам.

– А? За что «прости»? – спросила Лиза, облизнув пальцы.

– Ну, что тебя все утомили, я тоже все время спрашиваю

про разные симптомы...

– Утомили? Кто «все»?

– Ну, все, кроме режиссера.

– А, да нет, ты что! При чем тут, я же о студии. Кстати, как там наши фобии?

Дима неправильно проткнул маслину, снял ее и постарался надеть еще раз, но та упорно соскальзывала.

– Что ты с ней, как с гондоном, ну ради бога, – не выдержал Макс. – Дай сюда.

Он взял маслину и съел ее.

– Фобии кончаются, – сообщил Дима, теребя мокрую зубочистку. – Вот, закончили страх червяков недавно. Ксюша говорит, мы уже явно на последнем рубеже.

– Страх всего, – сказал Максим. – Вот о чем пиши. Фобия: человек боится всего сразу.

– Это паранойя, – сказала Лиза. И растерялась. Паранойя ведь? Как там ее. Проявляется... м-м... Позорище, и только. Психолог Элиза Фрейд.

– Макс, а что у тебя на работе? – перебила она себя.

– Интересного ничего? Темы есть? – оживился Дима.

Максим устал настолько, что едва мог думать. Морщась, он поднял бокал.

– Больше в меня не стреляли, к сожалению. Лучше бы, чтобы стреляли. И пристрелили нафиг.

Макс установил холодный бокал себе на лоб.

– Вот что странно, – сказал он. – Все эти звезды. Небесной

величины. Как-то вблизи они... не впечатляют.

– Крыльев нет, что ли? – спросила Лиза.

Максим открыл глаза, сглотнул и поправил бокал на лбу.

– Нет, другое. Ну вот, разбил...

– Ничего, я выброшу, – Лиза встала, расправляя прямые волосы.

– Они маленькие.

– Что?

– Трудно объяснить. Известно, что Мадонна какая-нибудь, допустим, метр шестьдесят. Но при встрече все равно думаешь: господи, *это* что за карлик?

– Ого! Ты видел живую Мадонну? – спросил Дима.

Макс был не в силах даже разозлиться.

– Тьфу, – он махнул рукой и грохнулся в шезлонг.

– Не обижайся на Диму, – сказала Лиза. – У него кризис тем. Ладно, я мыть руки.

Машины шуршали все реже, и на крыше почти стало тихо. В мутном небе тонули редкие звезды. Над центром города сияло молочное зарево.

– Совсем весна. У нас первые комары появились, наверное, – сказал Дима. – А здесь нет.

Максим не ответил ничего, позволив этой информации растаять в тихом шуме.

– Макс.

Ночной ветер стремительно холодел.

– Макс?

– Да? – измученно отозвался Максим.

– Скажи, – Дима подошел и уселся рядом на корточки. – Ты разбираешься в современной музыке?

– Ну.

– Ты мог бы меня научить?

– Господи, чему? – простонал Макс.

– Научить разбираться.

Максим тяжело вздохнул. Нет, отдохнуть не удастся. Ладно, к черту, завтра суббота. Если повезет – с утра не дернут. Если повезет.

– Ладно, – Макс откинулся назад и сказал. – Вначале был Джек, и у Джека был грув.

– Что? Я...

– Ничего. Короче, – Максим поскреб щеку, мучительно думая. – Современная музыка... В общем, дело было в одном клубе в окрестностях Чикаго.

5 сентября 2005 года

– Следователи эти – вот кого надо лечить. Водят его и водят. Обсессивно-компульсивное расстройство налицо.

– Поттер, я не понимаю, вы что, серьезно?

– А почему нет? Шизофрения, знаете ли, может одеть любую маску.

– Надеть.

– Что?

– Одеть можно кого-нибудь. А надеть – что-либо.

– Я вас прошу, вы как этот, как текстовый редактор. На-

шему брату позволительно. Мы, писатели, с языком на короткой ноге.

Глава 4. Земля

24 июля 2005 года

За окружной, где три прожектора обшаривают небо, раньше был многоэтажный паркинг. Отец Вернадского тогда заасфальтировал под автостоянку целое поле, а посередине возвел эту бетонную коробку. Он подарил ее Фернандесу, а тот переделал коробку в Рейв.

В стенах клуба, в черном зеркале, отражались золотые облака, и можно было представить, что клуб исчез, и уцелел только фасад, лиловый от неоновой марева. Я пробирался среди машин, и мне навстречу волнами катился бас.

Я бывал здесь раньше, но тогда по Рейву слонялись рабочие, везде тарахтели отбойные молотки, а под ногами хрустела грязная клеенка. Фернандес мелькал тут и там в кроссовках и респираторе, оставляя меловые следы и не давая строителям продохнуть ни минуты. Ему всегда хотелось иметь ночной клуб, и Вернадский намерен был получить его. Фернандес показывал мне каждую мелочь: где поставит лазеры, где натянет экраны, где будет отдыхать сам. Поэтому я знал, откуда начать искать, и сразу нашел его в подвале, в обществе ледяной особы с огромной шапкой белых волос.

Фернандес увидел меня и поперхнулся коктейлем. Вытерев руки о джинсы, он перескочил через стол и оказался ря-

дом.

– Й... кх-х... й-йюу! – Вернадский схватил меня за плечи. – Ха-а, убийца! Я думал, ты в Москве. Как жизнь?

– Привет.

Он почти не изменился: тот же румянец, похожий на боевую раскраску, те же сонные глаза, такая же нетвердая открытая улыбка.

Еще Фернандес маленький и рыжий – по-настоящему, пошкольному рыжий, хоть и без веснушек.

– А! – Вернадский повернулся, воздев растопыренные пальцы. – Ты пьешь?

Не пью.

– Нет? Почему?

Потому что боюсь.

– Боишься? Чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.